

Дарья Донцова

Квaziмодо на спилках

Евлампия Романова
Сарафине ведет амулет

ИРОНИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ ЭКСМО

Дарья Донцова
Квазимодо на шпильках
Серия «Евлампия Романова.
Следствие ведет дилетант», книга 12

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=123212
Квазимодо на шпильках: Эксмо; Москва; 2003
ISBN 5-699-03055-7

Аннотация

Хотите, расскажу дикую историю? Я, Евлампия Романова, дура стоеросовая, согласилась лететь с соседом–предпринимателем в Таиланд. У того заболела напарница. Там я чуть не скончалась от жары, да еще пришлось везти назад двух живых крокодилят. Их заказал профессор Баратынский для своих научных опытов. По прилете в Москву сосед сломал ногу, и аллигаторов к профессору домой повезла я. Но там вместо Баратынского я обнаружила его труп с дыркой во лбу. По подозрению в убийстве арестовали любовника его юной жены Ирочки. Она наняла меня расследовать это дело, так как не верила в вину любовника. В процессе я узнала много неприятного о семье профессора. В частности, что его покойная первая жена во время блокады скупала антикварные драгоценности, меняя их на украденные продукты. Может, кто-то мстит профессору, думая,

что он к этому причастен? Но тут прямо при мне убили Ирочку!
И что теперь прикажете делать?..

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	19
ГЛАВА 3	31
ГЛАВА 4	34
ГЛАВА 5	44
ГЛАВА 6	55
ГЛАВА 7	69
ГЛАВА 8	83
ГЛАВА 9	96
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Дарья Донцова

Квазимодо на шпильках

ГЛАВА 1

Если человек дурак, то это навсегда. Не подумайте, что я говорю сейчас о ком-то из приятелей. Нет, в данном случае я имею в виду только себя, понимаю, кабы не моя глупость и твердая уверенность в том, что дружба – понятие кругло-суточное, никогда бы не оказалась сейчас в аэропорту Банг-кока, причем с кучей узлов, сумок и тюков. Впрочем, все по порядку.

Две недели назад к нам ввалился Федя Лапиков, сосед с пятого этажа, и, брякнувшись на стул, самым трагичным голосом поинтересовался:

– Лампа, ты мне друг?

– Ага, – кивнула я, надеясь услышать следующую фразу: «Дай в долг».

Но соседushка произнес неожиданное:

– Тогда помоги!

Я сразу же ответила:

– Постараюсь.

Федор засопел, вытащил сигареты и начал сосредоточенно прикуривать от пластмассовой одноразовой зажигалки.

Пока он возился с куревом, я попыталась прикинуть, сколько купюр лежит в банке. Только не думайте, что я имею в виду банк как учреждение. Отложенные деньги я держу в круглой железной коробке из-под печенья курабье.

Стоит «сейф» в моей спальне, и никто из домашних туда не лазает, для хозяйственных нужд имеется коробочка на кухне. Вот туда все домочадцы частенько запускают руки. Во-первых, им нужен бензин, во-вторых, деньги на обед, а главный кассир – я. Мне все отдают зарплату, я складываю ее, отделяю часть на ежедневные расходы, потом...

Ну да это неинтересно! Важно другое: в банке сейчас лежит почти две тысячи долларов, и вполне можно отсыпать Лапикову некоторую сумму. Но что он жмет? Отчего не попросит прямо?

Наконец Федор, покашляв, провозгласил:

– Лампа!

– Да, слушаю.

– Не перебивай!

– А ты говори!

– Не мешай.

– Да начинай, в конце концов!

– Не торопи меня! – возмутился Федор.

– Если тебя не подталкивать, до утра протянешь, – обозлилась я, – а у меня обед не готов, белье не постирано, короче, сколько?

– Чего?

– Денег!

– Каких?

Я рассердилась:

– Тебе видней: либо долларов, либо рублей.

– Зачем? Мне ничего не надо.

– Да ну? – удивилась я. – В чем же тогда дело?

– Ты должна поехать со мной в Бангкок!

От удивления у меня из рук выпала поварешка.

– Куда?

– В Банкок, это Таиланд.

– Знаю, только зачем?

Федька глубоко вздохнул и зачастил. Год назад завод, на котором он проработал большую часть своей сознательной жизни, был перекуплен каким-то предприимчивым мальчишкой. Новый хозяин живо выгнал всех старых работников и нанял новых. Федор оказался за бортом. Потыркавшись в разные места и поняв, что абсолютно никому не нужен, Лапиков решил заняться народной российской забавой – торговлей – и начал мотаться челноком в Бангкок.

Маршрут у него отработан до мельчайших деталей, таможенники с обеих сторон прикормлены. Впрочем, ничего противозаконного Федор не возил, в основном это был стандартный набор: кофточки, спортивные костюмы, иногда постельное белье, реже бусы и всякая бижутерия. Особых доходов бизнес не приносил, но и умереть с голоду не давал. Супруга Лапикова, Анька, торговала привезенным товаром

на рынке, а Федька вместе со своей сестрой Натой мотался в Таиланд.

Несколько недель назад к нему обратился один очень важный дядечка, Семен Кузьмич, ученый-биолог, и попросил:

– Многоуважаемый Федор Иванович, не возьмете ли у меня заказ?

Наивный Лапиков решил, что профессор хочет что-нибудь из мануфактуры, и с готовностью воскликнул:

– Конечно!

Ученый пустился в объяснения, Федька захлопал глазами, такого он никак не ожидал.

– Близ Бангкока имеется ферма, где разводят крокодилов, вы привезите мне оттуда мозг двух юных аллигаторов.

– Господи, – испугался Федя, – с ума сойти!

– Ничего страшного, – успокоил его профессор, – мне сей материал необходим для исследования. Мозг вам упакуют в специальные контейнеры, ваша задача лишь доставить их сюда.

Федя хотел было ответить решительное «нет», но тут Семен Кузьмич озвучил сумму, которую Лапиков получит за услуги.

Федька дрогнул, согласился, взял аванс и уже успел его потратить. Но, видно, не зря говорят, что человек предполагает, а господь располагает. Вчера Ната, компаньонка Федора, его родная сестра, загребела в больницу со сломанной ногой, и теперь Лапиков на полном серьезе считает, что со-

проводить его должна я.

– Отчего бы тебе одному не смотаться? – Я стала осторожно отнекиваться.

– Да ты че! – подскочил Лапиков. – Ваще без понятия. В таком деле товарищ нужен. Там только отвернись, мигом товар сопрут: ни поесть, ни поспать не смогу. Я тебе заплачу, не обижу.

– Знаешь, я не слишком подхожу для такой аферы, – гнула я свою линию, – вот, придумала! Обратись к Алине Роговой из двенадцатой квартиры, она точно согласится!

– Нет, – покачал головой Федя, – Алина не годится.

– Почему?

– Больно красивая, – мечтательно заявил Лапиков, – 90-60-90, блондинка... Моя Анька дико ревнивая, объясняй потом, что вторые девяносто меня никак не заинтересовали. А с тобой безопасно.

Я закашлялась. Ну и воспитание! Сейчас Федор впрямую заявил мне, что я такая уродина, такое редкостное страшное лицо, что не вызываю приступов ревности у его Аньки. Причем он, кажется, не понимает, что сказал. Может, пнуть его?

– У меня нет визы, – нашлась я наконец.

– Ерунда, – подпрыгнул Федор, – все беру на себя. Паспорт есть?

– Да.

– Неси сюда!

Не понимая, зачем совершаю эту глупость, я отдала доку-

мент Лапикову.

– Вот здорово, – засуетился он, – просто классно, первого февраля улетим, всего-то на три дня. От тебя ничего не потребуется, будешь только багаж сторожить.

Я хотела было предложить: «Может, тебе лучше собаку с собой прихватить?», но удержалась.

Вечером я с некоторой опаской изложила ситуацию домашним и неожиданно получила с их стороны полнейшее одобрение.

– Правильно! – воскликнула Юлечка. – Там сейчас тепло, покупаешься, позагораешь.

– И фруктов поешь, – вмешался Кирюшка.

– Креветок китайских, – вздохнул Сережка, – они там десять долларов килограмм стоят.

– А еще купишь часы, – затарахтела Лиза, – они выглядят как настоящий золотой «Ролекс», но стоят всего тридцать баксов! У Леши Котова в нашем классе такие, ни в жисть от родных не отличишь.

– Вообще-то, – попыталась остудить всеобщий пыл Катерина, – не слишком полезно для здоровья лететь из зимы в лето, да еще всего на три дня. Организм не успеет перестроиться. Лучше поехать в мае, недели на две. И потом, боюсь, Лампе роль челнока не по плечу.

Но мне уже самой захотелось в теплые края, к гигантским креветкам и экзотическим фруктам, поэтому я принялась успокаивать Катюшу:

– Ерунда! Я совершенно здорова и отлично себя чувствую, Федя будет все делать сам, я только постерегу вещи в аэропорту.

– Да-а, – протянула Катя, – рисовали на бумаге, да забыли про овраги, а по ним ходить...

– Ой, – налетела на нее Юлечка, – вечно тебе страсти чуждятся, езжай, Лампудель, повеселись!

И я в самом радостном настроении отбыла в Таиланд. Действительность оказалась иной, чем радужные планы. В самолете, куда набилось пассажиров на треть больше, чем положено, нервные стюардессы носились по проходам, без усталости повторяя:

– Вставайте с кресел только в случае крайней необходимости.

Еды на всех не хватило, питья тоже. Голодная, злая, невыспавшаяся, я оказалась в Бангкоке, мечтая только об одном: добраться до гостиницы, принять душ, выпить кофе...

Но Федор мигом вылил мне на голову ушат ледяной воды:

– Какой отель? Офигела совсем, нам нужно на фабрику, потом на рынок. Устраиваться будем после полуночи.

– Почему? – пробормотала я, чувствуя, как липкая влага змеей ползет по спине.

– Чтобы зря не платить, – пояснил Федя, – за фигом сейчас въезжать? Сразу день насчитают, а после полуночи новые сутки пойдут, докумекала? Мы же не отдыхать приехали, а работать.

Сами понимаете, что ни покупаться, ни побывать в ресторане мне не удалось. Пришлось мотаться с Федькой по рынкам и тупо стоять на солнцепеке, охраняя товар. Креветки я, правда, нашла и даже, решившись купить себе порцию, подошла к грилю. Но потом увидела, какими грязными руками повар-таец чистит сей деликатес, и отшатнулась.

Единственное, что оказалось правдой, – это фальшивые «Ролекс», до противности похожие на настоящие, Бангкок был буквально набит эрзац-часами, и я купила всем по штуке.

Но самый жестокий удар меня ждал впереди. Отлет в Москву был назначен на восемь вечера по местному времени. Утром Федька, оставив меня в дыре, которая тут считалась гостиницей, поехал на крокодиловую ферму за мозгом. Я же, уставшая, словно цирковая обезьянка, рухнула в кровать и попыталась заснуть.

Ни купаться, ни загорать, ни лакомиться фруктами пополам с креветками мне не хотелось. Больше всего на свете я мечтала оказаться дома, в своей комнате, на диване, под пледом, рядом с Мулей и Адой. Катюша была права – роль челнока не для меня.

В комнатенке, набитой тюками, было очень душно и влажно. Старенький кондиционер, дребезжавший всеми частями, совершенно не справлялся с работой. С улицы доносился шум, и я впала в сумеречное состояние: то ли сон, то ли явь...

Уж не знаю, сколько времени я провела, плаваясь от жары на грубых простынях, но вдруг дверь распахнулась и появился Федя с картонной коробкой. Я села, попыталась пригладить торчащие в разные стороны лохмы и спросила:

– Ну? Порядок?

– Тьфу, – сплюнул Федька.

– Что-то случилось? – насторожилась я.

– Во, гляди, – мрачно произнес Лапиков и открыл коробку.

Остатки сна мигом меня покинули. На серо-голубой бумаге лежали два крокодильчика, сантиметров по тридцать, не больше.

– Это что? – изумилась я.

– Мозг, – криво улыбнулся Федька, – тот самый, за который Семен Кузьмич аванс отдал.

– Но он вместе с телом, – ляпнула я, – и живой!

– Угу, – кивнул Федька, – тонко подмечено, живее не бывает. Прикинь, что вышло.

Плюхнувшись на ободранное кресло, он стал рассказывать. На ферме, куда прибыл Федька, крокодилов водилось видимо-невидимо, любых размеров. И продавали их весьма охотно всем желающим, но только в первозданном виде.

Федька позвонил по телефону, который ему дал в Москве профессор, и дождался некоего мужика с хитро бегающими глазками. Кое-как на ломаном английском они сумели договориться. Таец ничего не отрицал. Да, он обещал многоува-

жаемому профессору мозг крокодила и от своих слов не отказывается. Но человек, который может убить крокодильчиков и достать требуемый орган, сейчас отсутствует, вернется он лишь через две недели, поэтому перед Федькой стоит дилемма: либо ждать четырнадцать дней, либо брать крокодильчиков живьем.

Сами понимаете, что задержаться в Таиланде Лапиков не мог.

– Зачем ты их купил? – вытаращилась я.

– А че делать? – развел руками Федька. – Аванс-то тю-тю. Отдам Семену Кузьмичу крокодила, пусть у них мозги как хочет достает. Я обещал – доставил, дальше все!

– Как же мы их повезем? – озаботилась я.

Лапиков скривился:

– Ну... в чемодане.

– Ты с ума сошел! Во-первых, тюки «просветят» на границе, во-вторых, даже если крокодильчики благополучно попадут в самолет, они погибнут в багажном отсеке от холода и перепада температуры.

Федька почесал затылок:

– Сама-то ты чего предлагаешь?

– Давай прямо в коробке пронесем их в салон.

– Нет, не выйдет.

– Почему?

– Надо разрешение от ветеринара, а нам его не успеть получить.

Мы пригорюнились и начали думать, как выйти из создавшегося положения. В голову лезла всякая чушь: положить рептилий в дамскую сумочку; примотать веревками к ручной клади и заявить, что это чучело; отправить крокодила бандеролью в Москву.

– Знаю! – неожиданно заорал Федька. – А ну, Лампа, дуй на первый этаж за скотчем, купи самый широкий.

Недоумевая, что он еще придумал, я спустилась вниз и притащила моток клейкой ленты.

– Во, гляди, – заявил Федька и снял брюки.

Я уставилась на его красные трусы в белый горошек и спросила:

– И что ты этим хочешь сказать?

– Значит, так, – воодушевленно заявил он, – сейчас примотаем Асю и Васю к моим ногам.

– Кого? – попятилась я.

Лапиков хихикнул:

– Это я так их прозвал. Левый – Ася, правый – Вася.

– Они разнополые?

– А фиг их знает, – пожал плечами Федька, – честное слово, мне все равно. Просто Ася и Вася. Давай!

И с этими словами он пристроил одну рептилию себе на бедро. Понимая абсурдность происходящего, я все же замотала его волосатую конечность вместе с крокодильчиком. Потом операция была повторена с другой ногой.

– Нормалек, – подвел итог Федька, – не сползли бы толь-

ко! Вот что, я прорежу в карманах дырки, спущу туда руки и буду держать их за головы.

Я оглядела гору тюков и поинтересовалась:

– Кто будет грузить хабар?

– А ты на что? – фыркнул Федька. – Действуй, Лампа. Давай, торопись.

Не стану вам рассказывать, каким образом я сволокла вниз неподъемные торбы. Хорошо еще, что жадный Федька нанял такси, а не заставил меня топать десять километров до аэродрома под раскаленным солнцем с баулами на горбу.

У стойки, где происходила регистрация, мы произвели сногшибательное впечатление. Я, красная, потная, в грязной мятой футболке, ворочала каменно-тяжелые сумищи. Федяшка стоял рядом, засунув руки в карманы.

Видя, что я никак не могу справиться с коробкой, доверху набитой мануфактурой, одна из девушек в форме Аэрофлота не выдержала и обратилась к Федьке:

– Чего стоишь, руки в брюки! Помоги ей!

– Нет, – шарахнулся в сторону Федька, – мне никак нельзя поднимать тяжести!

– Да? – поморщилась девушка.

Я кое-как впихнула коробищу на резиновую ленту и прошептала:

– Сами разберемся, не трогайте его.

Федька, словно изваяние, маячил среди тюков.

– Дура ты! – обиделась девушка. – Зачем позволяешь на

себе ездить! Смотри, какую морду отъел, словно собачья будка!

Федор побагровел, разинул было рот, но в ту же секунду ойкнул и присел.

Я ухватила бело-красную сумку, крикнув, зашвырнула ее на транспортер и сказала:

– Видишь, больной он.

– Чем? – насторожилась девица.

Сначала я хотела напугать ее по полной программе и с мрачным лицом заявить: «СПИД у него», но потом сообразила, что нас могут не посадить в самолет, и рывкнула: «Паралич у парня, ноги почти не ходят! С детства! Простыл сильно, и все».

Девица осеклась. Федька, не сгибая колен, побрел к железной арке, сквозь которую обязаны проходить все пассажиры. Издали он и впрямь походил на не совсем здорового человека.

– Извините, – пробормотала проверяющая.

– Ничего, – улыбнулась я, – не беда.

– Зачем вы его с собой таскаете, если он помочь не может? – спросила другая девица, вешавшая на сумки бирки.

Я поднатужилась, подпихнула к ней здоровенный тюк и, утерев пот, шепнула:

– Ревную очень, Федора-то одного оставить нельзя, мигом себе бабу найдет! Вот, приходится на поводке водить.

Девушки переглянулись.

– Да, дуры мы, – резюмировала первая, – все как одна. Вы на толпу гляньте. Те бабы, что сами багаж прут, наши, из России, за остальными мужики чемоданчики несут, вон там американки!

– У них же эмансипация, – удивилась я, – они ведь требуют, чтобы не было никаких различий между мужчинами и женщинами!

– Ага, – кивнула вторая служащая, – требуют, но чемоданы у них все равно парни таскают, эмансипация тоже имеет границы!

ГЛАВА 2

– Могла бы и не нести чушь про паралич, – обиженно протянул Федька, когда мы наконец-то уселись на места.

Я попыталась унять дрожь в отчего-то слишком тяжелых руках и парировала:

– А зачем ты приседал и охал?

– Так царапаются, гады, – пробормотал Федя, – и кусаются! Меня Вася за палец укусил, пока я его голову держал!

И он похлопал себе по левой ноге.

– По-моему, там Ася, – усмехнулась я.

– И еще они описались, – гудел Федька.

– Да? – удивилась я. – Вроде рептилии на такое не способны!

– Не знаю, – бубнил Федор, – мне мокро!

– Наверное, ты просто вспотел под скотчем. – Я попыталась его успокоить.

В этот момент начали разносить воду.

– Может, их напоить? – предложила я.

– Еще чего, – обозлился Федька, – чтобы они меня опять описали?

– Им, наверное, очень жарко и неудобно!

– Мне хуже!

– Вдруг они скончаются от обезвоживания, жалко ведь!

– И хрен с ними! – обозлился Федор. – Тебе-то хорошо!

А я с крокодилами, примотанными к ногам!

– Все-таки их надо попоить, – настаивала я, – аллигаторы живут в воде, представь, как они сейчас мучаются. И потом, если Ася с Васей умрут, Семен Кузьмич потребует аванс назад!

Федька крикнул:

– И как мы их поить будем?

– Ну... приспусти брюки, а я им стакан поднесу!

Федор слегка приподнялся в кресле.

– Давай, дергай штаны вниз.

Я выполнила приказ.

– Мама, а что они делают? – понесся по салону звонкий голос.

Маленький мальчик, лет шести, сидевший через проход от нас, с интересом наблюдал, как я пытаюсь справиться с Федькиными джинсами. Мой вам совет: совершая какие-нибудь действия и желая сохранить их в тайне, вначале посмотрите по сторонам, не маячит ли поблизости ребенок лет семи. Детское любопытство плюс непосредственность – удивительный коктейль.

Один наш приятель, Ваня Рагозин, – отец двух очаровательных близнецов. Жена его не работает, воспитывает восьмилетних проказников. Марина отличная мать. Никаких скандалов у них с Ванькой не бывает, они практически никогда не ругаются. Трения возникали лишь по одному поводу: близнецы обожали среди ночи залезть в супружескую

кровать и лечь между отцом и матерью.

Пока дети были маленькими, Ванька стоически терпел незваных гостей, но потом принялся внушать мальчишкам, что им следует спать в своих постелях. Парнишки сопротивлялись как могли, выдвигая разнообразные аргументы: им страшно, холодно, темно... Ванька злился и ругал Маринку, а та, оказавшись меж двух огней, чувствовала себя более чем некомфортно.

И тут Рагозина отправили на неделю в командировку в Америку. Близнецы не растерялись и принесли отцу метро-вый список с перечислением всего, что они желают получить. Ваня потряс перед ними «манускриптом» и сказал:

– Куплю все, но, если узнаю, что за время моего отсутствия кто-то из вас спал у мамы в кровати, ничего не получите.

Близнецы поклялись, что даже не приблизятся к порогу родительской спальни, и Ванька отбыл в Штаты.

Теперь представьте картину. Аэропорт Шереметьево, огромный зал, набитый людьми. Маринка, разодетая, только что из парикмахерской, держит близнецов, ради торжественного случая наряженных в воскресные костюмчики.

Наконец появляется Ванька, толкающий перед собой тележку с багажом. Близнецы увидели две яркие коробки с роботами-трансформерами и заорали, перекрывая шум:

– Папа, пока тебя не было, с мамой никто не спал!

Все присутствующие замолчали, повернули головы и ста-

ли с огромным интересом разглядывать бордовую от гнева Марину. Она потом призналась нам, что хотела придушить мальчишек и с трудом удержалась от того, чтобы надавать им затрещин...

– Мама, – настаивал мальчик, тыча в нас пальчиком, – за чем тетя дядю раздевает? Они спать ложатся?

Мать отвлекла любопытное дитяtko:

– В окошко глянь, вон какие тучи!

Ребенок переключился на другое зрелище. Мамаша повернулась к нам и прошипела:

– Совсем стыд потеряли, тут дети! Вот сейчас стюардессу позову, пусть вас ссадит!

– Да зови кого хочешь! – рявкнул Федька.

Я наконец сумела сдернуть с него брюки и попыталась напоить рептилий. Крокодилчики, примотанные скотчем, выглядели плохо: глаза закрыты, на мордах самое несчастное выражение. Воду они не собирались даже нюхать. Я наклонила стакан.

– Эй, поосторожней, – зашипел Федька, – все на меня льется.

Но я, не обратив внимания на его стоны, попыталась обнаружить у несчастных животных признаки жизни. Тщетно, крокодилчики ни на что не реагировали.

– Кажется, они умерли!

– Во, блин! – подскочил Федька. – Давай их отвязывать, не хочу сидеть сдохлыми аллигаторами.

– А может, они просто спят? – засомневалась я.

– Толку от тебя, – обозлился Федька, – живого от покойника отличить не можешь!

– Фиг их разберет, крокодилов этих!

Федька нажал на нос одной из рептилий. Не открывая глаз, крокодильчик цапнул его за палец. Лапиков взвыл, из укушенного перста закапала кровь.

– Мама, – вновь заинтересовался мальчишка, – а чего он кричит!

– Вообще обнаглели! – возмутилась мамаша и нажала кнопку вызова стюардессы.

Я быстро накинула на Федьку плед.

– Прекрати визжать!

– Так больно же!

– Потерпи.

Тут появилась блондинка в синем костюме. Сначала она выслушала бабу, потом повернулась к нам:

– Что случилось?

Федька молчал, а я мигом сообщила:

– У него приступ язвы, болит очень.

Девушка кивнула и убежала. Спустя пару минут она вернулась, неся стаканчик.

– Выпейте, – велела она Федьке.

До моего носа долетел резкий запах валокордина. От ближайшей подруги, врача, я очень хорошо знаю, что валокордин помогает при язве, как чернослив при косоглазии, но

Федьке сейчас надо молча выпить жидкость. Глянув на меня, Лапиков опрокинул в себя содержимое пластиковой емкости и пробормотал:

– Огромное спасибо, мне стало намного легче.

Дальнейший путь мы проделали без особых приключений. Федька тихо сидел в кресле, а я оставила всякие попытки напоить или накормить рептилий.

Дома я отдала всем «золотые» «Ролекс» и лихо наврала, что целые дни не вылезала из теплой воды, покидая приветливый океан только для того, чтобы слопать очередную порцию креветок. Мне очень не хотелось расстраивать домашних.

На следующее утро к нам прибежала Анька, жена Феди, и заявила:

– Лампа, забирай крокодилчиков!

– Зачем они мне? – попяtilась я.

– Федька упал, в клинику отвезли, – пояснила Анька. – Тебе придется везти эту зеленую гадость профессору.

– Почему мне? – возмутилась я.

– Я боюсь аллигаторов, – честно призналась она, – если они у нас еще денек проведут, с ума сойду.

У меня на языке вертелась масса справедливых слов. Во-первых, мозг подрядился доставить Федьку, во-вторых, он получил аванс, в-третьих, я ничем ему не обязана, в-четвертых...

– Ну будь добра, – взмолилась Анька.

– Ладно, – кивнула я и получила коробку.

Ни одно доброе дело не остается безнаказанным!

Помня, что на улице выюжно – ледяной московский февраль, – я замотала рептилий в шерстяной свитер. Ася и Вася вели себя абсолютно спокойно, они вновь были похожи надохлых. Поместив утепленных крокодилов в коробку, я запихнула ее в сумку, сунула на заднее сиденье и порулила по данному Анькой адресу, очень надеясь, что успею вернуться домой до прихода домашних.

Последнее время езда по Москве превратилась в натуральный кошмар. Пробки возникают даже там, где их по определению не должно быть. Ну почему нужный мне крохотный переулочек оказался забит машинами? Я подумала и оставила «Жигули» на стоянке у супермаркета. Пройду несколько десятков метров пешком, ничего со мной не случится. Надеюсь, крокодильчики не окочурятся от холода.

Красивый семиэтажный кирпичный дом оказался пятым по счету. Здание было кирпичным, а не прикидывалось таковым. Понимаете, о чем я говорю? Хитрые строители быстренько ставят домишко из блочных плит, а потом отделяют его панелями, имитирующими кирпич. Издали выглядит безупречно. Я сама видела, как вблизи нашего дома за пару месяцев возникла бетонная башня, трансформировавшаяся, как по мановению волшебной палочки, в кирпичную.

Вход в подъезд стерег домофон, я набрала код, потом взобралась на последний этаж, позвонила в квартиру. Дверь

распахнулась мгновенно. На пороге появилась девушка лет двадцати, стройная, хорошенькая, одетая в короткую юбочку и розовый пуловер.

– Меня ждет Семен Кузьмич, – заявила я.

– Да, да, – не дослушала девица, – проходите, вот тапки.

Я сняла куртку, сапожки и была препровождена к большой двустворчатой двери. Девушка распахнула ее и сказала:

– Папочка, к тебе пришли.

В ответ не последовало ни звука. Профессор сидел в глубоком вольтеровском кресле, боком к входу. Мне отлично были видны его ноги, укрытые бежево-коричневым пледом, и какой-то толстый талмуд, лежавший у ученого на коленях.

– Семен Кузьмич не очень хорошо слышит, – вздохнула девушка, – а когда зачитается, вообще беда, ни на что не реагирует. Да вы идите!

С этими словами она исчезла. Я шагнула в комнату и вздрогнула. Такое ощущение, что лента времени, стремительно размотавшись, отбросила меня назад, в детство. Кабинет Семена Кузьмича как две капли воды походил на рабочую комнату моего отца: те же мрачные дубовые шкафы, набитые книгами, огромный письменный стол и куча дипломов на стене.

Кстати, мой папа тоже погружался с головой в работу, и мамочке приходилось звать его к столу по десять раз. Устав от бесполезного крика, мама говорила мне: «Фросенька, дружок, сбегай в кабинет»^{note 1}.

Я влетала в комнату и орала: «Папочка, ужинать!»

Отец вздрагивал, поворачивал ко мне лицо, и я каждый раз поражалась: такими отрешенными были его глаза. Но потом он вздыхал и, превратившись в моего любимого папочку, говорил: «Ох и напугала! Подкралась и закричала! Разве так можно!»

Я осторожно прошла по толстому ковру, приблизилась вплотную к креслу и поняла, что Семен Кузьмич спит. Пожилой профессор пригнулся под теплым одеялом и задремал. Ситуация не показалась мне странной, я сама частенько, в особенности зимой, засыпаю над книгой. Но не могу же я сидеть тут пару часов, поджидая, пока он проснется? Нужно разбудить старика. Сначала я тихонько кашлянула, потом сделала это погромче, затем позвала:

– Семен Кузьмич!

Но он не шевелился. Поколебавшись, я хотела потрясти его за плечо, но тут взгляд упал на кисти ученого, и мне стало не по себе. Когда человек сидя мирно дремлет, его руки обычно расслабленно покоятся на коленях. Но скрюченные пальцы старика, очевидно, сведенные судорогой, вцепились в плед. Мне стало страшно, однако я все же потрясла профессора за плечо.

– Семен Кузьмич!

Тело уехало влево, покосилось, книга свалилась на пол, но ученый не поднял головы, свесившейся на грудь.

На подгибающихся ногах я вышла в коридор и стала за-

глядывать во все комнаты, ища внучку бабушки. В состоянии, близком к истерике, я ввалилась на кухню и обнаружила девушку мирно пьющей кофе.

– Вы уже уходите? – улыбнулась она.

– Извините, – пролепетала я, – но ваш дедушка...

Девчонка сделала глоток и прервала меня:

– Семен Кузьмич мой муж.

– Простите, но...

– Ничего, ничего, я привыкла.

– Он...

– Замечательный человек и великий ученый.

– Да, конечно, но ему плохо, похоже, сердечный приступ.

Девушка вскочила и понеслась в кабинет, я медленно потащила за ней. Да уж, я хотела поделикатней намекнуть ей, что Семен Кузьмич скончался, а вышло как в анекдоте, когда доктор, отправляя санитаря сообщить родственникам о кончине Иванова, просит: «Ты там поосторожней, ну не сразу все им на голову вываливай».

Санитар выходит в холл, видит толпу людей и говорит: «Так, все, кто хочет навестить своих, встаньте слева. А вы, Ивановы, куда прете, вам теперь туда не надо. Ждите справа, я вам сейчас деликатно объясню, что случилось!...»

Из кабинета донесся вопль. Я вернулась на кухню, налила в стакан воды и пошла отпаивать вдову. Да, похоже, мне придется тут задержаться. Не бросать же бедняжку в такой ужасной ситуации одну. Надо же, оказывается, этот старик

ее муж, ну и ну, да у них разница в возрасте лет пятьдесят!

Когда я вновь вошла в кабинет, девица прекратила визжать и неожиданно тихо сказала:

– Это не он!

Я подскочила.

– Как не он! В кресле не ваш муж? А кто?

– Нет, там Семен Кузьмич, – прошептала она.

Я протянула ей стакан воды:

– Выпейте и позвоните в «Скорую помощь», вдруг ему еще можно помочь!

Честно говоря, то, что профессор мертв, было понятно сразу, но вызвать медицину все равно надо.

– Это не он, – повторила «профессорша», – не Веня, не Веня, не Веня...

Понимая, что у нее начинается истерика, я толкнула ее на диван, сунула ей в руки стакан и попыталась привести в чувство.

– Конечно, не Веня.

– Вы верите, да? – Хозяйка подняла на меня голубые глаза.

Я увидела на маленьком столике трубку радиотелефона, без спроса схватила ее и, набирая «03», ответила:

– Естественно, сколько лет вашему Вене?

– Двадцать пять.

– А в кресле сидит совсем пожилой, даже старый человек, это не Веня, а Семен Кузьмич.

Девушка одним махом осушила стакан и стала слушать, как я объясняюсь с диспетчером. И только когда трубка снова вернулась на столик, хозяйка ожила.

– Это не Венья убил!

– Кого? – вздрогнула я. В комнате, несмотря на горячие батареи, было прохладно.

– Семена Кузьмича.

– Кто говорит об убийстве, – я попыталась ее успокоить. – Ваш муж человек преклонных лет. Очевидно, он страдал сердечно-сосудистыми заболеваниями. Конечно, ужасно, когда близкий тебе человек уходит из жизни. Но, с другой стороны, он покинул этот мир сразу, без мучений и страданий, быстро...

– Даже слишком быстро, – перебила она меня, – вы его лицо видели?

– Нет, – растерялась я, – голова-то свешена на грудь, волосы у вашего супруга достаточно длинные...

Внезапно девушка вскочила, подлетела к креслу и убрала с лица трупа прядь седых волос. Я ойкнула и стекла на диван.

Прямо посередине лба виднелась маленькая, аккуратная темно-бордовая дырочка.

ГЛАВА 3

Домой я явилась к ужину, держа под мышкой коробку с крокодилчиками. Ира, так звали молоденькую жену убитого профессора, была настолько потрясена случившимся, что у меня не хватило духу всучить их ей.

И потом, зачем они Ире, если Семен Кузьмич ушел в лучший из миров?

Правда, я попыталась было вернуть Асю и Васю Федору, но дверь в его квартиру открыла теща Лапикова и запричитала:

– Ой, ой, ой! Федора в больницу сволокли! Ну прям беда, Натка со сломанной ногой, и Федька тоже, как сговорились, Анька в клинике, а вдруг я заболею? Кто за мной ухаживать будет!

Сами понимаете, предлагать человеку в такой ситуации еще и крокодилов, пусть даже совсем крохотных, было не с руки, и я потащила коробку к себе.

Узнав, что в нашей семье временно, до выздоровления Федьки, проживут два аллигатора, Кирюшка страшно обрадовался, Юлечка же сурово спросила:

– И где они будут находиться?

– В ванне, конечно, – затарахтел Кирюшка, – в воде.

– А мыться как? – налетела на него Юля.

– Будем в баню ходить!

– Еще чего! – закричала она.

– Зачем ты орешь? – возмутилась Лиза. – Чем тебе крокодилы мешают, такие прикольные, Ася и Вася! Надо девочкам показать.

– Ага, – кивнул Кирюшка, – и Петьке тоже!

– Вот! – торжественно заявила Юля. – Вот этим и мешают! Во-первых, сюда, словно в зоопарк, начнут шлаться все школьники Москвы и области, во-вторых, не помыться, в-третьих, звери вырастут и сожрут всех: нас, собак, кошек, хомяков и жабу.

Кирюшка покосился на аквариум, где мирно дрыхла заматеревшая от старости Гертруда, и переставил его на холодильник. На лице мальчика читалось: ну сюда-то им точно не добраться!

– Крокодилы у нас ненадолго, – быстро сообщила я, – лишь до выздоровления Федьки.

– А если он там полгода проваляется? – не успокаивалась Юля. – Прикажете мне принимать душ, стоя по колено в аллигаторах?

– Вредная ты, – покачала головой Лиза, – прям сил нет! Какие проблемы?! Когда соберемся купаться, переложим их в таз.

– Они нас сожрут, – не успокаивалась Юля.

– Не волнуйся, тебя не тронут, – утешил ее Кирюшка.

– Это почему? – настороженно поинтересовалась Юлечка.

– Тебе уже двадцать пять лет, – на полном серьезе ответил

он, – твое мясо старое, жилистое, невкусное, в общем, фу! Это нам с Лизкой бояться надо.

Пару секунд Юлечка хлопала глазами, потом выхватила у меня из пальцев журнал «Семь дней» и, треснув им Кирюшку по макушке, прошипела:

– Ну погоди, я тебе покажу старое мясо. Только приди, только попроси очередное сочинение написать!

Выпалив последнюю фразу, она вылетела в коридор с такой скоростью, словно за ней и впрямь неслась стая крокодилов, злобно щелкая зубами.

Перед тем как лечь спать, я сунула нос в ванную и полюбовалась на Асю и Васю. В большой белой чаше они выглядели сиротливо и уныло. Я ощутила укол совести. Бедные малыши, привезли их из солнечного теплого Таиланда в снежную февральскую Москву. Вместо бассейна или реки с водорослями – пахнущая хлоркой вода. И, наверное, они голодны. Интересно, чем кормят крокодилов? Надо завтра поехать в зоомагазин «Марквет» и все разузнать. Не удивлюсь, если найду в продаже специальный сухой корм для аллигаторов.

ГЛАВА 4

На следующий день я дежурила на работе. Тем, кто плохо знаком со мной, объясняю, что мы с моей подругой Федорой открыли детективное агентство «Шерлок». Контора наша дышит на ладан, клиентов практически нет. В свое время, когда у моего ближайшего приятеля Володи Костина случились крупные неприятности на службе – я об этом уже рассказывала и повторяться не хочу², – он сгоряча подал заявление об уходе из органов внутренних дел. Целых три дня Вовка ходил непохожий на себя, пугая нас своим решением пойти работать охранником в бутик. И тогда я предложила майору «вступить в долю».

Володя оживился, повеселел, приехал в «Шерлок» и разочарованно заявил:

– Это же контора умершего кролика!

Мы с Федорой обозлились, но Вовку было жаль, поэтому ничего не сказали ему, только предложили:

– Давай, налаживай дело.

Костин очень вяло отреагировал на это предложение, но тут его вызвали на прежнее место работы, и... Володя благополучно вернулся назад. Вскоре ему должны присвоить новое звание, и он стал совсем таким, как до знакомства со сво-

² См. книгу Дарьи Донцовой «Камасутра для Микки-Мауса». Изд-во «Эксмо».

ей, с позволения сказать, женой. Единственное, что он перестал делать, – это крутить бесконечные романы, похоже, история с женитьбой начисто отбила у него охоту иметь дело с дамами.

Сейчас Федора укатила со своим благополучным, богатым мужем на отдых за границу. Мне она перед отъездом велела:

- Сиди каждый день в конторе, авось клиенты появятся.
- Откуда бы им взяться? – вздохнула я.
- Я объявление в газеты дала, – пояснила Федора, – надеюсь, работает!

Я была настроена не столь оптимистично, но указание выполнила. В здание, где мы арендуем комнату, прибываю к десяти утра, а ухожу в восемнадцать. Телефон молчит, а в дверь стучат крайне редко, в основном клиенты фирмы «Путешествие-тур», которая расположена рядом с нами. Только не подумайте, что этим людям необходим частный детектив! Они просто путают двери.

На работе я провожу время в полное свое удовольствие. Сажусь в кресло и начинаю читать книги. Одна беда – зарплаты нет никакой, что, в общем, понятно. Откуда бы «Шерлоку» взять средства на оплату сотрудников? Кстати, хоть нас с Федорой всего двое, агентство открыто по всем правилам, с лицензией, мы имеем красивые темно-бордовые удостоверения.

У Федоры там записано: «Генеральный директор частно-

го детективного агентства «Шерлок». У меня – «Начальник оперативно-розыскного отдела». Хорошо, что в этих документах не принято указывать, сколько сотрудников у вас под началом, потому что мой отдел состоит всего из одной штатной единицы, то бишь меня. Федора, впрочем, имеет одну подчиненную в моем лице.

Вытащив из сумки очередную Устинову, я включила чайник, напилась бодрящего напитка и погрузилась в чтение. Очень многие знакомые мне женщины ни за что не бросят работу по одной простой причине: на службе они отдыхают от семьи. Спору нет, хорошо иметь мужа, детей и кучу родственников. Но еще лучше, когда есть возможность не видеть никого из них хоть несколько часов в сутки. Хуже всего сидеть дома, не работая, проводить время либо у телевизора, либо на кухне. Можете мне поверить, домашняя хозяйка – это очень тяжелая должность, намного приятнее ходить в присутствие.

В дверь постучали.

– Войдите! – крикнула я, не поднимая головы.

– Можно? – раздался мелодичный голосок.

По-прежнему не отвлекаясь от Устиновой, я сообщила:

– «Путешествие-тур» следующая дверь. Здесь детективное агентство «Шерлок».

Честно говоря, я ожидала, что обладательница милого сопрано, прощепетав: «Ой, извините», тут же исчезнет.

Но она неожиданно заявила:

– Мне как раз и нужен «Шерлок».

Пораженная до глубины души, я отложила книгу, перевела глаза на посетительницу, та посмотрела на меня...

– Вы?! – воскликнули мы одновременно.

Было чему удивиться. Передо мной, распространяя запах дорогих французских духов, стояла Ирочка, жена, вернее вдова, Семена Кузьмича.

Оправившись от изумления, я вытащила банку с кофе, пакетики чая, печенье и радушно пригласила:

– Рассказывайте, что привело вас сюда.

Ирочка осторожно устроилась в кресле и пробормотала:

– Ну и совпадение, бывает же такое!

– В жизни случается много неожиданного, – философски заметила я.

– Мне нужна помощь, – подняла на меня светло-голубые глаза Ира, – очень!

Я воодушевленно кивнула. Даже если она велит мне заняться поисками пропавшей болонки, я непременно возьмусь за дело.

– У меня есть деньги, – частила Ира, – много, хватит заплатить вам.

– Давайте сначала выясним суть проблемы, а потом обсудим финансовые вопросы, – осторожно предложила я.

– Веню арестовали, но он не виноват!

– Это кто?

– Веня? Мой друг!

Читай, любовник.

– И что вы хотите от «Шерлока»?

– Найдите настоящего убийцу, тогда Веню отпустят!

Я попыталась разложить услышанную информацию по полочкам.

– Значит, ваш... э... друг обвиняется в убийстве, а вы уверены в его невиновности.

– Да, точно!

– Кого же он убил?

– Никого! – возмутилась Ира.

Ладно, задам вопрос иначе:

– В убийстве кого обвиняют Веню?

– Семена Кузьмича, но это неправда. Да, он заходил в кабинет, но...

В ту же секунду передо мной возникла картина: вот я захожу в кабинет несчастного профессора, и первая фраза, которая вылетает из уст Ирочки: «Это не он, не Веня!»

– Конечно, мы любили друг друга, – бубнила она, – но Семен Кузьмич нам не мешал, даже наоборот.

Я послушала пару минут ее сбивчивую речь и прервала Иру:

– Ну-ка, начните от печки, рассказывайте, как вышли замуж за Семена Кузьмича, откуда взялся Веня...

Ирочка запнулась, допила чай и принялась довольно бесвязно рассказывать.

Ирина москвичка, ее детство прошло в Кузьминках. До

недавнего времени у нее имелись мама, папа и бабушка. Нормальная российская семья, не слишком бедная и совсем не богатая, с трехкомнатной квартирой, дачкой на шести сотках и потрепанными «Жигулями». Отец пил только по праздникам, мать ругала дочку примерно раз в месяц. В общем, еще пару лет назад Ирина чувствовала себя абсолютно счастливой. Она без особых проблем поступила в институт и вполне благополучно закончила первый курс. Но потом фортуна решила, что Ира живет слишком хорошо, и на семью посыпались несчастья.

В сентябре ее родители отправились на свои шесть соток за картошкой. Когда дочь с зятем не явились ночевать, бабушка разнервничалась, собралась бежать в милицию. Ира ее отговорила: мол, у них машина сломалась, вот и решили на даче задержаться.

Утро началось со звонка. Очень вежливый голос сообщил, что автомобиль попал в аварию, шофер и пассажирка мертвы. Бабушка не пережила это известие, скончалась от сердечного приступа. Обезумевшей Ирочке нужно было похоронить трех покойников. Спасибо, соседи по подъезду и однокурсники не бросили, помогли организовать похороны и поминки. Отплакав девять дней, Ира внезапно поняла: она осталась совсем одна. Тощие накопления, доллары, которые ее мама складывала в комод, быстро разлетелись. Жить было не на что.

Ира стала усиленно искать работу, бросить институт она

не могла, поэтому подрядилась в «Макдоналдс», поближе к еде. Молодой организм постоянно требовал калорий. А еще она сдала две комнаты в квартире студентам из своего института. В одну въехал Веня, мальчик из провинции. У него с Ирочкой завязался роман, но Веня не спешил делать ей предложение. Да и зачем – они и так жили вместе.

Несмотря на подработку и сданную жилплощадь, денег хронически не хватало. Сами понимаете, что Веня любовнице за комнату не платил, правда, отдавал ей свою степендию в количестве трехсот рублей. Часто задерживала плату и девочка, живущая в бывшей спальне бабушки. Потом она вообще уехала, не заплатив.

Ирочка, постоянно где-то подрабатывающая, запустила учебу, не ходила на лекции, прогуливала семинарские занятия, и итог оказался плачевен: она завалила экзамен по биологии.

Когда она, рыдая, вышла в коридор, к ней подошла пятикурсница Света и спросила:

– Ваще утонула?

– Ага, – шмыгнула носом Ира, – такой молодой, а гад!

– Кому сдавала?

– Виктору Сергеевичу.

– Это аспирант?

– Да.

– Не повезло тебе, – покачала головой Светка, – хуже всего этим недоделанным кандидатам отвечать! Злобствуют

просто дико! Ничего, я тебя сейчас научу, как поступить! Ты езжай к заведующему кафедрой на дом.

– К Семену Кузьмичу? – испугалась Ира.

– Именно.

– Что ты, – замахала руками прогульщица, – мне ему вовек не сдать! Да и вытурит он меня, я все лекции прогуляла.

– Не бойсь, – усмехнулась Светка, – он классный дядька. Придешь к нему, поплачешь и мигом «пять» получишь. Семен слез не выносит, только езжай обязательно домой, на кафедре у него бабы сидят, профессорши, так они к нему никого не подпускают, жабы.

– А он ко мне приставать не станет? – насторожилась Ира.

Светка расхохоталась:

– Кто? Семен? Да ему сто лет небось стукнуло. Впрочем, говорят, он и в молодые годы никого не тискал, жену любил, умерла она пару лет назад, с тех пор один живет.

Иришка послушалась Светку и приехала к Семену Кузьмичу. Ее неприятно поразила запущенная, грязная квартира. Похоже, профессор не заглядывал в комнаты, жил в кабинете.

Семен Кузьмич встретил двоичницу радушно и провел ее на кухню.

– Садитесь, мой ангел, не плачьте. Ей-богу, такая ерунда! Сейчас выпьете чайку, согреетесь. Кстати, где заварка?

Профессор начал перебирать банки. Но ни чая, ни кофе, ни сахара не нашлось.

– А, – старик хлопнул себя по лбу, – в гостиной, в буфете.

Он вышел, Ира не удержалась и открыла холодильник. Там на полке сиротливо стояла одинокая банка майонеза, больше ничего не было.

Когда Семен Кузьмич вернулся, неся вазочку с твердокаменными карамельками, Ирочка спросила:

– Вы один живете?

Профессор кивнул:

– Да, дружок, моя супруга скончалась.

– А дети? – продолжала его допрашивать Ира.

– Их не было, – спокойно пояснил он.

– Кто же за вами ухаживает?

Ученый растерянно пробормотал:

– Да никто, а зачем?

– Где же вы едите?

– В институте, в столовой.

– А сегодня, в воскресенье?

– В воскресенье, – эхом повторил Семен Кузьмич, – так мне много не надо, может, вечером пойду в магазин, заодно и чай куплю. Право слово, неохота сейчас брести, холодно очень.

Внезапно Ире стало жаль старика.

– Давайте деньги, – велела она, – сгоняю вам за продуктами.

– Что вы, деточка, – испугался Семен Кузьмич, – я и сам могу.

Ира прищурилась.

– Вы мне доброе дело сделали? Пятерочку просто так поставили? Так я вас отблагодарить хочу!

– Ангел мой, любой на моем месте... – начал профессор.

– Вовсе нет, – перебила его Ира, – знаете, чего ваш Виктор Сергеевич требует? Он «отлично» только на диване ставит.

– Почему? – захлопал глазами профессор. – По-моему, за столом удобнее!

Ира хмыкнула, похоже, наивность Семена Кузьмича просто беспредельна. Да в институте с десятков преподавателей, пользуясь зависимым положением студентов, принимают зачеты «на диване».

– Давайте деньги, – повторила она, – а то на свои куплю!

– Упаси бог! – воскликнул Семен Кузьмич и пошел искать портмоне.

ГЛАВА 5

Ирочка совсем не белоручка, покойная бабушка научила ее готовить. Поэтому она не только забила холодильник Семена Кузьмича йогуртами, сыром, маслом, колбасой, но еще и сварила борщ, навертела котлет и пожарила картошку.

Профессор быстро съел обед и сказал:

– Ангел мой, вы устроили мне праздник. Хотите, покажу вам альбом «Лувр»?

Не дожидаясь ее согласия, он вытащил огромное иллюстрированное издание и, перелистывая страницы, начал рассказывать о картинах.

Неожиданно Ирочка впала в состояние, близкое к трансу. За окнами мела ледяная выюга, в кабинете было тепло, она, прикрытая шерстяным пледом, пригрелась, словно кошка на батарее. Семен Кузьмич монотонно бормотал о Гогене, в какой-то момент он наклонился к ней и спросил:

– Вам все понятно, душа моя?

Ирочка почувствовала запах мужского одеколона и трубочного табака. Она чуть не зарыдала, точно так пахло от ее погибшего папы, он тоже, как Семен Кузьмич, курил трубку. И еще, она иногда сидела вместе с отцом в одном кресле, и он объяснял ей плохо понятную геометрию.

Огромным усилием воли девушка справилась с подступающими рыданиями и вдруг ощутила полный душевный по-

кой, которого не испытала ни разу после гибели родителей.

Когда Ира собралась уходить, профессор глянул на ее яркую коротенькую курточку и покачал головой.

– Детка, вам не холодно?

– Нормально, – шмыгнула носом она.

– Надо купить теплое пальто, – не успокаивался Семен Кузьмич.

– Скоро весна, – отмахнулась Ира.

Внезапно профессор открыл шкаф и вытащил серую норковую шубку.

– Вот, надевайте.

– Что вы! – шарахнулась она.

– Дружок, – вздохнул Семен Кузьмич, – это манто принадлежало моей жене, Розалии Львовне. У меня рука не поднимается вынести ее вещи из дома, хотя супруга скончалась несколько лет назад. Шуба никому не нужна, Розалия Львовна была бы очень довольна, узнав, что она досталась вам. Пожалуйста, не конфузьтесь.

Уже стоя в дверях, Ирочка спросила:

– Можно прийти в субботу? Я вам квартиру уберу.

– Что вы, ангел мой, не надо.

– И вы мне альбом до конца не показали.

– Конечно, дружок, – оживился Семен Кузьмич, – буду рад.

Ира спустилась на первый этаж, села на подоконник и, прижавшись лбом к грязному стеклу, тихо заплакала. От шу-

бы пахло нафталином, а в одном из карманов обнаружилась зажигалка, очевидно, жена профессора тоже курила.

С тех пор Ирина стала бегать к Семену Кузьмичу. Сначала раз в неделю, потом два, затем три, наконец – каждый день.

Веня только недоумевал:

– Какого черта тебе этот старик нужен? Будь он помоложе, я ревновать бы начал!

Ира отшучивалась. Она не хотела объяснять Вене, что рядом с Семеном Кузьмичом чувствует себя девочкой при папе, защищенной от всех бед и горестей. И потом, признающийся ей в любви Веня постоянно жалуется на безденежье и не пытается зарабатывать. Любовника совершенно не беспокоит, есть ли у Иры зимние сапоги и где она возьмет деньги, чтобы купить продуктов им на ужин. А Семен Кузьмич, несмотря на возраст, читает лекции в трех вузах. А еще он отвел Иришку в обувной магазин и велел:

– Душа моя, ну-ка выбери приличную теплую обувь, нельзя по холоду

в туфлях бегать. Только, умоляю, не покупай вон те, на каблуках, поскользнешься и сломаешь ноги.

Именно эту фразу сказал бы, будь он жив, Ирочкин отец. И ей вдруг пришло в голову, что в целом мире есть только один человек, которого интересует, не промочила ли она ноги, это Семен Кузьмич.

В апреле профессор заболел, и Иришка просто переселилась к нему, ухаживала за стариком. Дней через пять после

того, как она почувствовала себя хозяйкой в доме Семена Кузьмича, к заведующему явилась одна из преподавательниц с его кафедры, вручила больному килограмм яблок, потом, поманив Иру пальцем в коридор, принялась шипеть:

– Ты, дрянь, решила окрутить старика? Думаешь, если он умрет, все тебе достанется?

Испуганная Ирочка вжалась в стену, а ученая дама, чуть ли не размахивая кулаками, брызгала слюной:

– Имей в виду, твой расчет не оправдается. Мы откроем Семену Кузьмичу глаза!

– Светлана Анатольевна! – прогремел бас.

Ира вздрогнула. На пороге спальни стоял Семен Кузьмич.

– Светлана Анатольевна, – повторил он, – Ирина моя законная жена, вас совершенно не касается наша личная жизнь, ступайте восвояси, вам отказано от дома!

Когда дама, пунцовая от злости, ушла, Семен Кузьмич сказал:

– Ирочка, я очень хотел бы удочерить тебя, всегда мечтал о такой доченьке, как ты, но никто из-за возраста не разрешит мне признать тебя официально своей родственницей. Я уже стар, и никого, кроме тебя, у меня нет. Все, что имею: квартира, дача, деньги на книжке, – в случае моей кончины отойдет государству. У нас только один путь – это оформить брак. Как мужчина я не сумею быть тебе полезен, стану отцом!

Ирочка бросилась Семену Кузьмичу на шею.

– Папочка, я люблю тебя.

Пришлось объяснить Вене, почему она выходит замуж за другого. Ира ждала скандала, крика, даже побоев, но парень неожиданно сказал:

– И правильно! Семен-то на ладан дышит, все тебе достанется. Валяй, расписывайся, станешь вдовой, мы поженимся.

Ирочка испугалась. Больше всего на свете она боялась, что Семен Кузьмич умрет.

Вот так студентка трансформировалась в «профессоршу», а фактически – в дочку академика. Семен Кузьмич вначале радушно принимал Веню, пил с ним чай, но потом, не делая никаких замечаний, перестал выходить из кабинета, когда парень появлялся в квартире.

– Угощай кавалера, солнышко, – говорил он, – у меня срочная работа.

Через какое-то время Ирина спросила:

– Тебе не нравится Веня?

Муж отложил книгу.

– Хочешь правду?

– Конечно.

– У него в сердце нет любви, – ответил профессор.

– Ко мне? – насторожилась Ира.

– К людям вообще, – со вздохом ответил Семен Кузьмич, – случается, что человек рождается без слуха, бывает, без зрения, а вот он лишен умения любить. Веня не виноват,

он таким явился в этот мир, какой-то дефективный ген попался. Мне не хочется, чтобы ты связывала с ним свою судьбу, счастья тебе это не принесет.

– Ну пожалуйста, папочка, – попросила Иришка, – ради меня, не дуйся, пойдем с нами чай пить.

– Хорошо, дружок, – кивнул профессор.

С тех пор он больше не забивался в кабинет при виде парня, и все шло прекрасно, вплоть до того утра, когда профессор был убит, а Веня арестован.

– Но почему милиция заинтересовалась юношей? – удивилась я.

Ирочка вздохнула:

– Накануне вечером мы поругались.

– С Семеном Кузьмичом?

– Нет, с Веней. Он приехал такой взбудораженный...

Ирочка открыла дверь, а любовник с порога набросился на нее:

– Мне предложили хорошую работу, оклад тысяча баксов.

– Здорово, – обрадовалась она.

– Ничего хорошего.

– Почему?

– Нужна постоянная московская прописка.

Ирочка замолчала.

– Пропиши меня к себе, – велел Веня, – да быстро, за три дня сумеешь?

– Ну, – замялась Ира, – не знаю! Могут возникнуть труд-

ности, ты же мне никто!

– Ах, никто, – завелся Веня, – а кто тебе «кто»? Этот старый пердун?!

– Не смей так говорить! – взвилась Ира. – Мой отец...

– Ой, отец! – взвизгнул Веня. – Ща умру! Старый козел!

– Ну уж на козла я мало похож, – прогудел из кабинета Семен Кузьмич, – это животное поджарое, тощее, я скорей дряхлый бегемот.

– Во! – восхитился Веня. – Обычно глухой, как пень, а тут услышал!

Ирочка залепила любовнику пощечину, тот, не задумываясь, дал ей сдачи. Семен Кузьмич, прибежав на шум, попытался растащить парочку. В общем, случилась национальная русская забава: скандал с мордобоем.

В конце концов Веня ушел, а Ирочка прорыдала на плече у профессора полночи.

– Не плачь, дружок, – утешал ее Семен Кузьмич, – вот в понедельник придет ко мне молодой человек, Павел Самсонов, ты к нему приглядишься.

На следующее утро, ровно в девять, раздался звонок. Ира, не посмотрев в «глазок», распахнула дверь и попятилась. На пороге стоял Веня.

– Извини, – забормотал любовник, – я выпил вчера чуток, сам не знаю, что на меня нашло. Ну дурак я! Дай к Семену пройти, извиниться хочу!

– Папочка, ты в кабинете? – крикнула Ира.

– Да, солнышко, – донеслось в ответ.

– Ступай, – кивнула она.

Веня пробыл в комнате минут пять, потом заглянул на кухню.

– Поговорили? – поинтересовалась Ира.

– Ага, – кивнул парень, – простил он меня.

Ирина, помня пословицу про долгие обиды, решила сделать вид, что ничего не произошло, и предложила:

– Хочешь кофе?

– Нет, побегу, – сказал Веня, – Семен просил его к завтраку не звать, работать сел.

Нисколько не удивленная этим сообщением, Ира проводила любовника до двери и, не заглядывая к мужу в кабинет, пошла на кухню. За несколько лет брака она очень хорошо поняла: больше всего профессор не любит, если кто-нибудь входит в комнату, когда он работает.

– Значит, Веня был последним, кто заглядывал в кабинет? – уточнила я.

Ира кивнула.

– Больше никто не приходил?

– Нет. И потом...

– Что?

Ирина принялась водить наманикюренным пальчиком по столешнице.

– Тут такое дело...

– Какое?

– Сразу после того, как ушел от нас, Веня поехал на вокзал, взял билет и отправился к матери, в Рагозино. Там его и арестовали.

Я покачала головой: да уж, ничего хорошего.

– У него нашли билет в Челябинск, – монотонно говорила Ира, – а его мама сообщила, что он приехал просить у нее денег, как можно больше, сказал, что у него долг и его могут убить. Вот менты и сложили все одно к одному: убийство Семена Кузьмича, побег к матери, билет в Челябинск. Они считают, что Веня решил пристрелить профессора, чтобы иметь возможность жениться на богатой вдове, то бишь на мне. А потом, совершив преступление, собрался скрыться. Но денег-то у него не было, только и хватило, что на электричку до матери.

– Да уж, – вздохнула я, – что тебе тут сказать! Ужасная ситуация, прими мои соболезнования.

– Веня не убивал, – стукнула крохотным кулачком по столу Ирочка, – он не такой.

Я молча смотрела на раскрасневшуюся девушку. Да, «он не такой, не такой, как все, совсем другой», замечательный и уникальный, не способный ни на какую гадость... Сама я когда-то так думала про одного мужчину. Прозрение далось мне дорого.

– Он не убивал! – твердила Ира.

– Но ведь больше никого в доме не было?

– Да.

– Значит, он.

– Нет!

– Тогда ты.

– Я?!

– Именно. В квартире находились три человека, один убит, кто попадает под подозрение?

– С ума сошли! – обиделась Ирина. – Семен Кузьмич мой второй отец!

– Тогда Веня.

– Нет!!!

– А кто?

– Вот это я и хочу выяснить! Заплачу любые деньги!

Я пододвинула к Ире прејскурант услуг:

– Вот наши расценки.

– Отлично, меня они устраивают.

– Еще нужна сумма на расходы, естественно, получишь потом чеки, квитанции, билеты...

– Не надо, я вам верю, – быстро сказала Ира, вытаскивая кошелек.

Я взяла деньги и решила ее предупредить:

– Ты на самом деле хочешь начать расследование?

– Ну конечно.

– Понимаешь, что результат может оказаться очень неприятным?

– Вы о чем?

– Вполне может случиться, что вместо доказательств

невиновности Вени я нарою неопровержимые улики, свидетельствующие о том, что он убийца.

Ирочка стала кусать нижнюю губу, потом заявила:

– Хорошо, ищите. Милиция этого делать не станет. Менты уверены: виноват Веня.

– А если и я докажу то же самое?

– Тогда я постараюсь пережить это известие, – очень тихо сказала Ира.

– Ты знаешь, кому он якобы задолжал деньги?

– Да, Алеше Корсакову, он с нами вместе учится.

– Давай его телефон, – велела я. – Отчет о проделанной работе будешь получать раз в неделю.

Ира кивнула, вытащила записную книжечку, продиктовала номер, потом встала, пошла к двери и, обернувшись, заявила:

– Я люблю Веню, это не он!

И исчезла, в воздухе остался лишь тонкий аромат незнакомых мне дорогих духов. «Я люблю Веню, это не он». У каждого, даже самого страшного серийного убийцы найдется женщина, которая его обожает, – мать, жена или сестра.

ГЛАВА 6

Я набрала номер мобильного, который продиктовала Ирина. Бесстрастный женский голос затвердил мне в ухо:

– Аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия Сети.

Предприняв несколько неудачных попыток, я заперла кабинет и поехала в магазин «Марквет», расположенный на Ленинградском проспекте.

Вежливый молодой человек, облаченный в белый халат, выслушал мой сбивчивый рассказ и ужаснулся:

– Вы опустили их в воду?

– А что, нельзя? – испугалась я. – Вообще говоря, я считала, что аллигаторы живут в реках.

– Точно, – кивнул ветеринар, – вопрос: в каких? Наша московская вода с хлоркой для них губительна.

– Ой! Что же делать?

– Купите любую бутилированную.

Я кивнула:

– Ясно, а чем кормить?

– Мясом – говядиной, свининой, курицей...

Не успел он закончить фразу, как в зал вошла парочка – оба с азиатской внешностью.

– Нам есть необходимо быть червяком! – заявил мужчина, нагло не обращая на меня никакого внимания.

– Что? – попятился ветеринар.

– Нам есть необходимо быть червяком, – повторил азиат, тыча пальцем в аквариум.

Скорей всего, ему был нужен корм для рыбок. Иногда иностранцы, кое-как владеющие русским языком, говорят совершенно гениальные вещи. Память услужливо подсунула воспоминание.

Вместе со мной в консерватории учились двое немцев. Кое-как они освоили азы русского языка, но словарного запаса для нормальной жизни им катастрофически не хватало. Один раз парни решили купить курицу и отправились на рынок. Дело было еще в коммунистические времена, и с продуктами наблюдалась напряженка.

Пошатавшись по рядам, немцы нашли говядину, свинину, баранину – все, кроме курицы. А как сказать по-русски «курица», они забыли. Тогда одному из них пришла в голову замечательная идея. Он купил одно яйцо и... В общем, представьте картину. По рынку бегают два всклокоченных блондина, суют всем торговцам под нос яйцо и с диким акцентом вопрошают:

– Где его мать? Покажите нам ее!

До сих пор удивляюсь, почему их не забрали в сумасшедший дом.

– Есть червяк? – повторил вьетнамец.

Я обозлилась:

– Есть червяк, есть очередь, встаньте за мной!

– Не понял, – азиат прикинулся идиотом, – дай червяк!
Я показала ему пальцем за свою спину.

– Стоять там, ждать червяк.

Вьетнамец покорился. Внезапно на меня напала злость. Очень не люблю наглости, этот иностранец, очевидно, великолепно знает, что следует подождать, пока предыдущий покупатель отойдет от продавца, но тем не менее полез вперед, надеясь, что я интеллигентно промолчу. Ну уж нет, получишь своих червяков после меня!

Запомнив исчерпывающие указания по содержанию аллигаторов, я выпала на улицу и отправилась в супермаркет, где принялась соображать, сколько пятилитровых канистр с водой требуется приобрести. Пораскинув мозгами, я обратилась к продавщице:

– Вы не знаете количество литров в ванне?

– Какой? – оторопела она.

– Ну, в самой обычной, российского производства.

– Мы торгуем продуктами, – резонно ответила девица, – вам лучше обратиться в магазин сантехники.

– Мне вода нужна, столько, чтобы в ванну налить!

– Зачем? – улыбнулась продавщица. – Моетесь в газировке? Или стираете?

Она явно пыталась пошутить.

– Да нет, – серьезно ответила я, – крокодилы у меня живут, Ася и Вася.

– Ася и Вася? – повторила консультантка, пятясь задом за

ряды с бакалеей. – Очень интересно.

Вымолвив последнюю фразу, она испарилась, а я, оставшись в одиночестве, задумалась. Десять бутылей хватит? Пятьдесят литров – это сколько? Может, прихватить двадцать?

Внезапно около меня возникли два секьюрити, которые с самым хмурым видом стали наблюдать, как пятилитровые бутылки перекочевывают со стеллажа в тележку.

Еле толкая корзину на колесах, я доехала до прилавка и уставилась на лотки, в которых лежало разнообразное мясо. Говядина выглядела восхитительно свежей и великолепно подходила для котлет, жаркого или гуляша. Но мне-то в «Марквете» четко объяснили, что аллигатор не станет употреблять в пищу парное мясо, ему требуется продукт с душком.

Не обнаружив в витрине гнилья, я обратилась к продавщице:

– Мясо, похоже, очень свежее?

– Совершенно точно, – засуетилась она, – не сомневайтесь, нам прямо с фермы возят, никто из покупателей ни разу не пожаловался!

– Мне бы чего-нибудь такого... – завертела я руками.

– Какого? – продолжала лучиться улыбкой продавщица.

– Не слишком хорошего.

Она погасила улыбку и хмуро осведомилась:

– Дешевого? Вон, берите оттуда! Отличный гуляш, но

жирноват слегка, поэтому и уценили.

– Он свежий?

– Конечно, утром получили.

– Не пойдет! – горестно вздохнула я.

– Почему? – спросила она. – Лучше не найдете, парное.

– Мне как раз надо несвежее.

– Тухлое, что ли?

Я кивнула:

– Да, да, есть такое?

Неожиданно продавщица, уставившись глазами куда-то за мою спину, принялась корчить гримасы. Я обернулась. Два секьюрити с каменными лицами маячили за моей спиной. Один стоял совершенно спокойно, другой весьма выразительно крутил указательным пальцем у виска. Я обозлилась:

– Не надо считать меня сумасшедшей. Просто я хочу купить мясо, которое стухло.

Продавщица тяжело вздохнула:

– Знаете что, даже если совсем денег нет, не следует травиться. Лучше возьми «Геркулес» и свари на воде, от него организму одна польза. А поешь тухлятины – и в больницу угодишь. Совсем без мяса живи, коли средства не позволяют его покупать, целее будешь!

– Я вполне могу приобрести вон тот кусок вырезки, просто мне нужно испорченное!!!

– Да зачем?! – взвыла торговка.

– У меня дома живут Ася и Вася, они нормальное не едят!

– Детей, что ли, так кормишь? – разъярилась баба. – Во народ! Натурально оборзел! Ваще, без понятия! Да купи спиногрызам гречки...

– Детям я даю только качественные продукты. Ася и Вася не школьники, – пыталась объяснить я.

– А кто? – проявил любопытство один из секьюрити.

– Крокодилы! – рывкнула я. – Живут у меня в ванной, вот, воды им купила, теперь за харчами пришла.

– Офигеть можно, – бормотнул парень. – Зачем они тебе?

Понимая, что разговор грозит затянуться до бесконечности, я рывкнула:

– Не твое дело! Есть тут в магазине тухлятина?

– Нет, конечно, – ожил второй охранник, – чай, не прежние времена, когда черная говядина повсюду валялась.

– Ты ступай в колбасы, – посоветовала продавщица.

Не успела я вымолвить слова, как она заорала:

– Эй, Раиса, у ты тама есть батон, со срока сошедший? Выдай покупательнице, ей крокодилов кормить нечем!

– Не, Таньк, – донеслось откуда-то сбоку, – только сосиски завалились.

Из-за стеллажей вынырнула худенькая девушка с бейджи-ком «Светлана».

– У меня в бакалее, – мигом вступила она в разговор, – гречка лежит на утилизацию. Вам не подойдет?

– Ты как считаешь, крокодилы станут есть гречку? – рассердилась я. – Еще семечки предложи.

– А у нас мармелад просроченный, – заявила другая девица, из кондитерского отсека, – возьмите им сладенького.

Через пять минут вокруг меня столпились продавцы из всех отделов магазина. Каждый предлагал свое. Шпроты, туалетное мыло, детское питание, крем для лица, йогурты и сгущенку. Но я отмела все, только купила у толстой Раи килограмм вполне симпатичных с виду сосисок, нежно-розовых и аппетитных.

– Не похожи они на несвежий продукт, – пробормотала я, пока Рая засовывала их в пакет.

– Им позавчера срок истек, – успокоила меня она.

– А не пахнут совсем, – протянула я.

Раиса хихикнула:

– Это из-за целлофана, дома сымешь – такого нанюхаешься! Бери, как раз для крокодилов!

И она радостно засмеялась. Я принялась толкать коляску к кассе, путь лежал мимо мясного прилавка.

– Слышь, – заголосила Татьяна, перевешиваясь через стеклянную витрину, – ты приходи в субботу, мы тебе наберем гнилья!..

Погрузив воду в лифт, я с изумлением обнаружила, что совсем не устала. Очевидно, поездка в Таиланд, где пришлось безостановочно ворочать многокилограммовые тюки, развила мои мышцы.

Войдя домой, я крикнула:

– Кирюша!

– Чего тебе? – высунулся он из спальни.

– Крокодилам надо воду сменить.

– При чем тут я? – напрягся Кирюшка.

– Вынимай их и клади в таз.

– Боюсь, – признался он.

Пару секунд мы смотрели друг на друга. Честно говоря, я сама не испытывала никакого желания дотрагиваться до рептилий.

– Ладно, – я наконец приняла решение, – подождем Сережу, он-то точно не испугается!

Посчитав проблему решенной, я взяла телефон, набрала номер и услышала:

– Алло.

– Это Алексей?

– Ну!

– Вы знакомы с Вениамином?

– Ну?

– Так да или нет?

– Ну?

Однако Алексей отнюдь не златоуст. Ладно, поступим по-другому.

– Можно к вам подъехать?

– Зачем?

– Решить проблему, связанную с Вениамином.

– Ну... очень надо?

– Да!

– Ехайте.

– Адрес давай.

– Улица Авиамоторная, – забубнил парень, – у магазина

«Кристалл» свернете направо и шуруйте по дворам.

– Во сколько встретимся?

– А как доедете.

– Так мне сейчас отправляться?

– Я щас дома, завтра на неделю уеду.

Делать нечего, пришлось натягивать куртку и идти разогревать уже остывшие «Жигули».

Алексей жил в старинном доме. Одна половина его была сложена из темно-красного кирпича, другая желтела штукатуркой.

– Ну? – спросил парень, увидев меня на пороге. – И чего?

Я сунула ему под нос удостоверение. Алексей растерянно пробормотал:

– А че я сделал? Ничего плохого, за фигом ко мне ментура приперлась? На кухню пойдете.

Я стала снимать куртку, молча слушая его испуганное бормотание. За то время, что демонстрирую самым разным людям удостоверение, я хорошо усвоила: никто не умеет правильно читать, в основном все очень невнимательно. Ведь там крупными буквами написано: «Частное детективное агентство «Шерлок», но, увидев открытую бордовую книжечку, каждый спрашивает: «И зачем я понадобился милиции?»

Впрочем, мне это только на руку.

– Вопросы буду задавать я!

– Ага, – кивнул Алексей.

– Вы знакомы с Вениамином?

– Каким?

Я сообразила, что забыла спросить у Ирочки фамилию ее любовника, и, рассердившись на себя, ответила:

– Не придурайся! С тем самым Веней, который вместе с тобой в институте учится.

– А-а, – протянул Алексей, – с Павловым...

– Сколько он тебе должен?

Корсаков нахмурился:

– При чем тут это?

– Отвечай на поставленный вопрос.

– Десять тысяч долларов.

– Ничего себе, – покачала я головой, – а зачем он брал такую сумму? Когда? Почему ты ему дал столько денег? Не сообразил, что Веня не вернет долг?

Алексей тяжело вздохнул:

– Венька попросил машину на два часа. Я ему и вручил отцовский «Пежо», думал: ну что может случиться? Автомобиль застрахован по полной программе, и че вышло?

– Что?

– Сперли тачку, – грустно ответил Алексей, – пока Венька в магазин пошел, кто-то и прибрал «Пежо» к рукам. Да еще он, дурак, сразу в милицию заявил, теперь страховая компа-

ния ни копеечки не заплатит!

– Почему? – удивилась я. – Неужели в вашем договоре угон не предусмотрен?

Алексей кивнул:

– Предусмотрен.

– Тогда в чем дело?

– Так Венька-то не внесен в страховку, – пояснил Корсаков, – там только я, отец и мать. Веньке бы надо не в ментуру бежать, а сюда, чтобы я заявление отнес: дескать, сам сидел за рулем. Тогда бы не было никаких проблем, а раз машиной управлял не хозяин – все, плакали денежки.

– Неприятная история.

– Ага, – хмуро сказал Алексей.

– И давно это произошло?

– Десять дней назад.

– Как же Веня собирался выпутаться из этой ситуации?

Корсаков сердито ответил:

– Сначала он ныл, что у него нет ни копейки. Только я ему конкретно объяснил: где хочешь доставай. Отец с матерью в марте из загранки возвращаются, я им должен либо машину отдать, либо тугрики предъявить, бери где хочешь, не моя печаль.

– И что тебе Веня ответил?

– Пообещал к отцу съездить, в Челябинск, и у него попросить!

– Он же вроде из Подмосковья!

– Там его мама живет, отец с ней в разводе, обосновался в Челябинске.

– Когда же он пообещал отправиться?

– Да неделю назад, – возмутился Алексей, – но обманул. Я его каждый день в институте видел, подходил и спрашивал. «Ты почему не уехал?»»

– А он?

– Все стонал: денег на билет нет. Потом до того обнаглел, что сказал мне: «Одолжи на проезд». Во, совсем оборзел.

Алексей услышал хамское заявление и окончательно вышел из себя. Он схватил однокашника за воротник и прошипел:

– Если через пять дней не получу доллары, пеняй на себя. Обращусь к крутым ребятам, пусть они из тебя за процент долг выбивают.

Веня испугался, замахал руками:

– Не надо, не волнуйся, я все улажу.

На следующее утро он принес Алексею красивое золотое кольцо с прозрачным, ярко играющим в лучах электрического света камнем.

– Вот, возьми.

– Ну и за фигом оно мне? – покачал головой Алексей.

– Оно стоит даже больше, чем десять кусков, – пояснил Веня, – продашь, и точка.

– Вот сам и толкай золотишко, – отрезал Корсаков, – мне недосуг по скупкам бегать.

Веня с жаром пообещал:

– Прямо сейчас и займусь.

Но потом он пропал, как в воду канул. И Алексей ломает голову: куда подевался должник? Может, он решил совсем смыться?

– Наверное, мне следовало взять колечко, – вздыхал мой собеседник.

– Ты уверен, что оно было с настоящим бриллиантом?

Алексей хмыкнул:

– Без обмана. Брюлик чистый.

– И откуда это известно?

Корсаков потянулся за сигаретами:

– У моей матери подружка есть. Рина Зелинская, она побрякушки больше жизни любит. Вот я Веньку к ней и отправил.

– Дальше что?

– А ничего, – пожал плечами Алексей. – Рина мне позволила и форменный допрос устроила: откуда у студента кольцо? Говорила, что это реликвия, из коллекции... э... вот не вспомню, то ли Будвайзеров, то ли Гольдфингеров, фамилия такая заковыристая. Я еще спросил: оно настоящее?

– Самое всамделишное, – успокоила его Рина.

– И вы его купите?

– Да всех моих денег и на десятую часть его не хватит, – сердито ответила Зелинская.

Я попыталась разложить по полочкам полученные сведе-

ния, но ничего не получилось.

– Ну-ка, дай телефон этой Рины!

– Пишите, – кивнул Алексей. – А че Венька сделал? Отчего им ментура интересуется? Спер у кого-то кольцо? Небось у Семена Кузьмича.

– Это кто такой? – прикинулась я идиоткой.

Алеша ухмыльнулся:

– Самый старый преподаватель нашего института, Барятянский. Классный дед такой был! Он на Венькиной девушке женился, Ирке. Мы все прям обалдели, когда узнали, думали, Венька ее убьет...

– Убил?

Алексей серьезно ответил:

– Нет. Как ходили вместе, так и ходят. Венька всем объясняет, что они ждут смерти Семена Кузьмича, тогда у них с Иркой все будет: деньги, машина, дача, квартира. Говорил, у профессора куча всего имеется: коллекция картин, антиквариат, брюлики. Одним словом, покроются они с Иркой толстым слоем шоколада. Наверное, кольцо она ему дала.

Я поморщилась:

– Эта история не с самой хорошей стороны характеризует Веню.

Алексей равнодушно ответил:

– Каждый устраивается как умеет.

ГЛАВА 7

Когда я вернулась домой, часы показывали около полуночи. В прихожей меня встретила злая Юлечка и гневно заявила:

– Я помыться не смогла!

– Не сердись, – улыбнулась я, – сейчас Сережа вынет Асю и Васю, ты примешь ванну, и он сунет крокодилов назад.

– Хотелось бы верить, что все произойдет именно так, – окрысилась Юлечка.

Решив не спорить с ней, я прошла на кухню и обнаружила там Сережку, с упоением поедавшего сосиски.

– Ты где их взял? – с подозрением спросила я.

– На подоконнике лежали, – пояснил он.

– Все слопал?

– Нет, половина осталась.

Произнеся последнюю фразу, парень принялся сосредоточенно обмазывать сосиску толстым слоем горчицы.

Я на секунду призадумалась. Может, сказать ему, что он схарчил корм для крокодилов? И вообще, что сосиски просроченные! С другой стороны, они совсем не пахнут, выглядят вполне пристойно. Эх, похоже, меня обманули, подкинули вместо тухлятины свежий товар. Подумав так, я развеселилась: ну и ну, скажу кому – не поверят! Расстроиться из-за того, что сосиски оказались пригодными для употребления

в пищу!

– Ты чего ржешь? – с подозрением осведомился Сережка.

– Сделай одолжение, – быстро попросила я, – вынь крокодилов из ванны.

– Почему я? – поперхнулся он.

– А кто?

– Ты.

Пришлось честно признаться:

– Я очень боюсь их!

– Тогда пусть плавают, нечего аллигаторов беспокоить.

– Им надо воду поменять на бутилированную, без хлорки!

– Обойдутся.

– Так они умереть могут!

– Ну и фиг с ними!

Я вздохнула и изменила тактику поведения:

– Твоя жена хочет принять душ. Ася и Вася ей мешают.

– Пошли, – обреченно сказал Сережка, – если нужно выбирать между злыми крокодилами и разъяренной Юлькой, я предпочитаю иметь дело с аллигаторами.

Ася и Вася мирно лежали на дне.

– Похоже, они сдохли, – пробормотал «камикадзе».

– Нет, – предположила я, – небось от голода ослабели, ну-ка, погоди.

Быстренько сбегав на кухню, я принесла пакет с оставшимися сосисками и осторожно опустила одну в воду. Через секунду крокодильчики рванулись к добыче. Клацнули челю-

сти. Ася оказалась более проворной, Васе пришлось лишь облизнуться. Мне стало жаль неудачника.

– На, котик, – сказала я и кинула в воду следующую порцию.

Клац, клац.

– Ой, мама, – прошептал Сережка, – как же мне их вынуть?

– За хвост, – посоветовала я, – хватай за самый кончик Асю.

– Почему ее? – напрягся Сережа.

– Она поела хорошо, небось сейчас в хорошем настроении.

Сережка перекрестился, сунул руку в воду, потом резко выдернул. Ася на секунду повисла вниз головой, затем, резко взметнув туловище, изогнулась и щелкнула пастью в миллиметре от его пальцев.

– Мама! – взвизгнул Сережа и выпустил рептилию из рук.

Ася плюхнулась на пол и резво побежала на коротких изогнутых лапах по коридору.

– Караул! – завопил Сережка.

В ванную мгновенно заглянула Катя.

– Ты меня звал?

– Нет, – отдувался сын.

– Но ведь ты кричал: «Мама!»

– Это так, с испугу, – начал было Сережка, но тут из спальни Лизы понесся дикий крик и лай.

Вспомнив, что любимым лакомством крокодилов во все времена считались тучные собачки, я стремглав кинулась на звук.

Лиза стояла на письменном столе с выпученными глазами, к ее ногам прижималась трепещущая Ада. Увидев меня, девочка пропищала:

– Крокодил под кровать залез. Я его как увидела, одним прыжком сюда сиганула, и Адюшу словно на реактивной тяге подбросило.

Я решила успокоить домашних.

– Ася маленькая, совсем крошка.

– Ага, – плаксиво протянул Сережка, – милая крошка с железными зубами! Да она мне чуть полруки не отхватила!

– Немедленно уберите ее из моей комнаты! – завизжала Лиза. – Прямо сейчас! А-а, хватайте Мулю! Ее сожрут.

Я выпихнула в коридор не вовремя вбежавшую в комнату вторую мопсиху и велела:

– Сережка, бери швабру и гони Асю вон, а ты, Катя, неси сюда одеяло, желательно ватное.

– Хитрая какая, – обиделся Сергей, – сама и выгоняй, я боюсь.

– Ты мужчина, – попыталась воззвать к нему стоящая на столе Лизавета.

– И что? – парировал Сережка. – Я не могу быть трусом? Извините, но я не привык жить с крокодилами.

С этими словами он сунул мне в руку щетку. Понимая,

что делать нечего, я опустилась на колени и засюсюкала:

– Асенька, иди сюда, моя кошечка, не надо бояться, мы тебе ничего плохого не сделаем.

Под кроватью царили полнейшая темнота и тишина. Когда наша мопсика Ада, которая терпеть не может купаться, забивается в преддверии очередной водной процедуры под софу, ее всегда можно обнаружить по гневному сопению и раздраженному ворчанию. Ася же не издавала ни звука.

Я повернулась к Сереже:

– Похоже, там никого нет.

– Неправда, – затопала ногами Лиза, – она просто притаилась.

– Полезай под кровать, – велел Кирюша.

– Не хочу, – сопротивлялась я.

– Что она тебе сделает? – принялся издеваться Сережа. – Маленькая, хорошенькая, беззащитная такая...

– Все равно не желаю.

– А кто их привез! – напомнила Юлечка. – Кто приволок мерзких рептилий и уверял всех, что никаких проблем не будет, кто обещал...

Из прихожей раздался звонок.

– Я открою! – заорал Кирюшка и понесся к двери.

– Ну, – продолжила Юлечка, – Лампудель, начинай!

Пожалев, что не обучена молиться, я наклонилась, сунула под кровать длинную щетку и тут же услышала хорошо знакомый картавый голосок:

– Господи, куда ни зайду, везде люди собачатся, ну не поверите, с последнего этажа спускаюсь, и у всех в квартирах одна картина. Широковы лаются, Куховкины матерятся, Сенчуковы визжат, только у вас тихо. Ну до чего приятно! Лиза, а почему ты на столе стоишь? Ой, Адюлечка! Вы пускаете собак на постель?

Я быстро засунула швабру под кровать и выпрямилась. В нашем доме только один человек способен произносить пятьсот слов в минуту, задавая вам одновременно с десятков вопросов. Это Нина Ивановна Серегина, председатель правления нашего кооператива.

Дом, в который мы переехали из блочной пятиэтажки, был построен на паях сотрудниками какого-то НИИ. Поэтому тут есть правление, заседающее раз в неделю и развешивающее в подъезде свои указания. Впрочем, претензий к пенсионерам, решившим тратить бездну свободного времени на благо остальных жильцов, у меня нет. Они делают много хорошего и полезного, ну, например, собрали деньги на благоустройство двора, потолкались по приемным и выбили средства на установку железной двери в подъезд, провели всем домофон.

Еще у нас в самом дальнем углу, за гаражами, имеется специальная площадка для выгула домашних любимцев. Ее украшает замечательная табличка: «Место принадлежит собакам, прописанным в этом доме, остальных просят ходить в сквер у метро». Руководит бойкими пенсионерами Нина

Ивановна, вдова полковника, дама, почти всю жизнь проведшая в гарнизонах. В свое время она помоталась с супругом по просторам необъятного СССР и везде, куда бы ни приезжала, мигом становилась председательницей женсовета.

Нина Ивановна весит под сто кило и способна массой раздавить того, кто посмеет ее ослушаться. Она до сих пор живет будто в советское время и ведет себя соответственно. Если вы задержали плату за квартиру, можете быть уверены, что ваша фамилия окажется в списке, вывешенном на первом этаже под грозной «шапкой»: «Позор должникам». Еще правление выпускает стенгазету «Прожектор», где кое-кто из жильцов, например Саня Теменов, подвергается резкой критике за частое употребление горячительных напитков.

А когда Олег Войнов, бросив жену и троих детей, переметнулся к хорошенькой Надюшке из пятнадцатой квартиры, Нина Ивановна устроила целую, как бы сейчас сказали, пиар-кампанию, в результате которой Олег вернулся к супруге, а Наденька вынуждена была поменять квартиру. Серегина искренне считает себя хозяйкой дома. Иногда это злит, но чаще радуется, потому что слесарь, плотник и электрик приходят к нам по вызову сразу и относительно трезвыми, лифты в подъездах работают, почтовые ящики никто не поджигает, и свет на лестницах горит круглосуточно.

Лиза осторожно слезла со стола.

– Здравсти, Нина Ивановна.

– Добрый вечер, – пропыхтела толстуха. – Вот у меня тут

обращение от правления. Зачитать вслух или каждый сам ознакомится?

– Лучше уж вы, – вежливо предложила Катя, – а мы потом подпишем.

– Тогда несу.

– Конечно, конечно, – засуетилась я, – может, чайку? С мармеладом? Только что купили, потрясающе свежий.

– Спасибо, Евлампия Андреевна, – царственно кивнула Нина Ивановна, – только куда мне с таким весом сладкое?

– У вас изумительная фигура, – мигом покривил душой Сережа.

– Ох, врунишка, – погрозила ему председательница толстым пальцем, украшенным чудовищным перстнем с красным камнем.

Но было видно, что комплимент пришелся ей по душе.

Серегина опустилась в жалобно застонавшее под ней кресло и велела:

– Прошу всех занять места.

Мы плюхнулись кто куда. Нина Ивановна вытащила из папки листок, откашлялась и завела тоном профессора, объясняющего первокурсникам сложный материал:

– «В целях улучшения комфортности, обеспечения спокойствия и безопасности проживающих в кооперативе жильцов правление постановило: а) указать Борису А.И. на недопустимость его поведения; б) велеть ему в трехдневный срок освободить территорию дома и двора от принадлежа-

щего ему животного; в) в дальнейшем запретить появление нетрадиционных зверей в нашем кооперативе».

Сережка захихикал:

– Нетрадиционные звери? Это кто?

– Наверное, «голубые», – предположила Лиза.

Нина Ивановна нахмурилась:

– Девочке твоего возраста не следует знать подобные вещи!

– Извините, – быстро сказала Катя, – мы не очень поняли, о чем речь.

– Да, – кивнула я, – объясните попроще. Что сделал Антон Борисов?

Нина Ивановна сунула листок в папку.

– Вам и в голову не придет! Привез из Африки обезьяну, почти с человека ростом. Она постоянно хулиганит. Разбила окно на лестнице, стоит Антону Ивановичу податься на работу, как эта дрянь начинает шуметь, краны откручивать, в результате было затоплено целых три этажа. Терпение у людей лопнуло, и мы постановили изгнать исчадие ада.

– А если Антон не подчинится, – проявила любопытство Юлечка, – тогда что?

– Пусть попробует, – сдвинула брови Нина Ивановна, – есть методы его поучить! Сначала наглядная агитация: стенгазета, выпуски «Молнии», публичное порицание. Если не поможет, применим иную тактику. Я вам так скажу: собаки, кошки, попугайчики, черепахи, даже крысы – это нормаль-

но, держи сколько хочешь.

– А жаба? – влез Кирюшка.

– Пожалуйста, – разрешила Нина Ивановна, – от нее, правда, пользы нет, но и вреда никакого. С другой стороны, какой прок от моего кота Епифана? Домашние любимцы есть почти во всех квартирах, и слава богу. Но обезьяна! Или я, или она в этом доме!

Тяжелый вздох вырвался из моей груди. Да уж, не повезло Антону Ивановичу, если вопрос поставлен таким образом. Ясное дело, в этом противостоянии у несчастной обезьяны нет никаких шансов.

– Он бы еще крокодила завел! – возмущалась тем временем Нина Ивановна. – Впрочем, я тогда бы просто вызвала санэпидстанцию и выселила хулигана. Аллигаторы – переносчики страшных, неизлечимых инфекций. Ой, вы купили новую собаку, хорошенькая вроде, только странная. Что это за порода?

Я проследила за ее взглядом и похолодела. Из-под кровати медленно выползала Ася. Очевидно, домашние тоже мигом сообразили, чем грозит нам свидание Аси и Нины Ивановны, потому что Лиза, забыв про свой страх, мигом треснула рептилию пяткой по морде. Ася, не ожидавшая такого обращения, юркнула назад.

– Где собачка? – фальшиво удивилась Катя.

– Вы не узнали Мулечку с Адюшей? – замела хвостом Юлечка. – Очень мы мопсов раскормили.

– А Рейчел и Рамик в моей комнате спят, – влез Кирюшка.

– Да ваших я хорошо знаю, – отмахнулась Нина Ивановна, – в особенности Рамика. Несется вечно через двор как оглашенный, вчера чуть с ног не сбил. Я вот про эту говорю.

Я снова проследила за ее взглядом и чуть не вскрикнула. Мерзопакостная Ася преспокойно вылезала с другой стороны кровати и, медленно таща за собой хвост, двигалась в сторону двери. При этом учтите, что спальня Лизы имеет двадцать квадратных метров, кровать стоит у окна, выход из комнаты в противоположном углу, а Ася, только недавно проявлявшая редкостную прыть, сейчас шествовала со скоростью беременной черепахи.

– Ах, это! – растерянно воскликнула Катя. – Это!..

– Это не наша, – быстро сказала Юля.

– Ага, – кивнула Лиза, – приятели дали, сами отдыхать уехали, а Асю нам привезли.

– Что за порода такая? – не успокаивалась Нина Ивановна, близоруко щурясь. – Странная очень. Кого-то она мне напоминает.

Я сжалась в комок. Перед глазами мигом предстала стенгазета, которую вывесят у лифта... Позор крокодиловладельцам и обезьянолюбам!

– Это такса! – заявил в порыве вдохновения Сережка.

– Да? – продолжала сомневаться Серегина. – А почему у нее хвост такой?

– Ну... дефект породы, близкое родственное скрещива-

ние, – развила тему Катя, – подобных собак мало, потому и получился такой странный хвост.

Противная Ася, словно почуяв, что речь идет о ней, застыла посреди комнаты.

– Слышь, Лампудель, – еле слышно прошептал Сережка, – ну-ка, встань и унеси «собачку», а то нас с жилплощади выпрут.

– Сам утаскивай, – одними губами ответила я.

– Это точно такса, – выпалила Лиза.

– Да? – воскликнула Нина Ивановна. – Не может быть! Я хорошо знаю такс, они другие.

– Эта такса особая, – начал врать Кирюшка, – она называется... Эх... Э...

– Московская пупырчатая голая той-такса! – выпалила Юлечка. – Всего три штуки на столицу имеется. Страшно дорогая и редкая особь. Без шерсти, вроде кошки-сфинкса.

– Скажите пожалуйста, – недоверчиво протянула Нина Ивановна, – чего только в наше время не увидишь, но почему она зеленая?

На секунду все растерялись, потом Катюша робко пропищала:

– Видите ли, эта порода имеет нежную кожу, стоит ей дать что-нибудь яркое в пищу, мигом меняет цвет. Знаете, дети иногда желтеют от морковного сока!

Серегина кивнула.

– Вот, – воодушевилась Катюша, – а мы угостили Асю вче-

ра... Э... Э...

– Зеленым луком, – пришел на помощь Сережка, – вот результат.

– И она съела? – разинула рот председательница. – Собачка сожрала такую горечь?

– Ей понравилось, – пожал плечами Сережка.

– И морда странная... и лапы... Знаете, на кого она похожа? На крокодила! – сообразила гостья.

В комнате стало очень тихо.

– Давайте попьем чайку! – закричала Юлия.

Сережка наклонился ко мне:

– Лампудель, если сейчас не унесешь Асю, нас выселят. Ну-ка, вспомни, Матросов лег грудью на амбразуру, чтобы спасти товарищей, а ты боишься аллигатора.

– Очень, ну просто очень напоминает крокодила, – зудела Нина Ивановна, роясь в сумке. – Ну-ка, где мои очки!

Сережка пнул меня в спину. Ощущая себя храбрым спартанским мальчиком, я подскочила к Асе и, схватив ее за шершаво-мягкое тело, прижала к своей груди. Сейчас она откусит мне руки, голову, а потом сожрет все остальное. Чтобы неповадно было проявлять героизм в недобрый час. Впрочем, если вспомнить историю, все герои плохо заканчивали, это уже после их смерти имена несчастных присваивали улицам и площадям, но меня появление переулка под названием Ламповский не обрадует, мне-то уже будет все равно!

Однако отчего-то Ася совершенно спокойно лежала на

моих окостеневших от ужаса руках.

– Вот видите, – зачастил Сережка, – какой крокодил! Разве бы Лампудель смогла так нежно обнимать хищника! Это всего лишь маленькая трогательная московская пупырчатая голая той-такса. Лампа ее просто обожает, целыми днями целует.

Поняв, что следующей его фразой будет: «Ну-ка, Лампуша, покажи, как ты обожает Асю», я попыталась шагнуть в сторону коридора, но ноги словно кто-то прибил к полу.

Тем временем Нина Ивановна вынула большие очки, нацепила их на нос и велела:

– Евлампия, ну-ка поднесите собачку поближе, я хочу лучше рассмотреть ее!

Тут словно какая-то невидимая рука пнула меня пониже спины, и я вымелась из комнаты на крейсерской скорости. Последнее, что слышала, был бодрый голос Сережки:

– У щенка очень строгий режим, ему пора ужинать. Давайте же, Нина Ивановна, заявление. Сейчас все подпишем. Абсолютно правильная инициатива! Держать дома экзотических животных нельзя!

ГЛАВА 8

На следующее утро я приехала к Ирочке и с порога спросила:

– У тебя не пропадало кольцо?

– Какое? – удивилась она.

– В доме много украшений?

Ира кивнула:

– Да, они принадлежали Розалии Львовне, а теперь вот достались мне.

– Ты хорошо знаешь, что лежит в ящиках?

– Естественно, – улыбнулась Ира, – мне нравится разглядывать ювелирные украшения.

Я принялась описывать перстень, тщательно вспоминая слова Алексея Корсакова.

– Массивная золотая оправа, в ней огромный бриллиант необычайной формы. Камень держат «лапки», слегка изогнутые.

– А ну-ка постойте, – сказала Ирочка и ушла.

Я осталась одна в гостиной и, чтобы скрасить ожидание, стала изучать обстановку. Конечно, дом замечательный, комнаты просторные, потолки выше трех метров. Есть только один, на мой взгляд, существенный недостаток. Напротив находится еще одно здание, и вечером приходится задерживать плотные шторы, потому что любопытные соседи могут

стать непрошеными свидетелями вашей жизни.

– И кто сказал, что перстень с бриллиантом? – поинтересовалась, вернувшись, Ира.

Я передала ей рассказ Алексея. Она покачала головой:

– Да нет, Корсаков все напутал! Был такой перстень, но его украшал кристалл горного хрусталя. Оригинальная авторская работа, кольцо дорогое, но не безумно.

– Откуда оно у Вени?

Ирочка помялась:

– Я дала.

– Да ну?.. И зачем?

– У Вени украли машину, иномарку, чужую. Хозяин потребовал оплатить ее стоимость. А откуда Веньке деньги взять? Он прибежал ко мне, попросил в долг. Только ему требовалось отдать десять тысяч долларов, у меня такой суммы не нашлось. Конечно, у Семена Кузьмича деньги были, но я не хотела у него кланяться, неудобно показалось, – ответила Ира.

Я кивнула. Действительно, не слишком красиво брать накопленное у законного мужа и отдавать любовнику. Правда, Семен Кузьмич был супругом Ирочки, так сказать, де юре, но это, согласитесь, не очень меняет положения вещей.

– Вот я и отдала ему кольцо, – сказала Ирочка, – оно мне велико было, да и не нравилось совсем. Велела отнести Алеше в качестве первого взноса!

Я молча смотрела на нее, что-то в этой истории мне не

правилось. Только что?

– А Корсаков дурак, – усмехнулась она, – решил, что у него в кармане эксклюзивный бриллиант, и простил Вене весь долг.

– Простил? – изумилась я. – Ты уверена?

Ира кивнула:

– Венька не растерялся и расписку с него взял, ну типа: «Я, Алексей Корсаков, не имею никаких претензий к Вениамину Павлову и считаю, что он вернул мне всю сумму за разбитый «Пежо».

Я тяжело вздохнула:

– Ты рассказывала эту историю в милиции?

– Нет, – удивилась Ира, – зачем? Они ни о чем таком не спрашивали.

– Понимаешь, о чем она свидетельствует?

– Ну... Венька раздолбай. Разве можно брать чужую машину, если водишь хреново!

– Ира, – сказала я, – подумай, Вениамин заявил, что ничего не знал про смерть Семена Кузьмича, а в Челябинск собрался, чтобы якобы у папы денег попросить. Он хотел долг Корсакову отдать, а на билет не хватало, вот и прикатил к маме. Понимаешь?

– Что тут особенного? – пожала плечами девица.

– Зачем же Вене катить в Челябинск, если ситуация с «Пежо» улажена? Он соврал, денег у отца ему было просить незачем. Почему же он собрался в Челябинск? Извини, но

ничего, кроме того, что он хотел спрятаться от органов МВД, не приходит в голову.

Ира осталась сидеть с разинутым ртом. Спустя пару минут она пробормотала:

– Ясно. Зачем же его тогда в Челябинск потащило?

– Хотел избежать наказания за убийство.

– Он не убивал! – воскликнула Ирочка.

Ее красивые глаза начали медленно наливаться слезами. Мне стало жаль девчонку, слишком много испытаний выпало на ее долю: сначала смерть родителей и бабушки, потом убийство Семена Кузьмича, арест Вениамина.

– Мне кажется, тебе лучше всего съездить отдохнуть за границу, – осторожно предложила я, – к теплему морю, например, в Таиланд, там сейчас отлично! Фрукты, китайские креветки.

– Веня не убивал, – тихо, но настойчиво произнесла Ира, – он не мог такое натворить, он любил меня и знал, кем являлся для нас Семен Кузьмич: отцом, благодетелем... Веня не способен на подобный поступок. Знаете, когда у него умер попугайчик, он плакал три дня.

Я постаралась никак не реагировать на последнее заявление. Очень многие киллеры, жестокие серийные убийцы, сентиментальны и могут рыдать над погибшей птичкой. Звучит странно, но это так: чем злее человек, тем он сентиментальнее. Только не надо путать сентиментальность с добротой. Это совсем разные вещи.

Внезапно Ирочка встала и вышла. Я опять осталась одна, наверное, нужно попросить расчет, дело-то ясное.

Веня убил Семена Кузьмича. Наверное, старик, искренне любивший Ирочку, отругал его, вот юноша и не стерпел, выхватил пистолет. Но откуда у него оружие? Хотя, эка невидаль, на Тушинском рынке из-под полы можно приобрести не только любую «пушку», но и реактивную установку «Град». Многие молодые люди ради хвастовства таскают в кармане стволы, нравится им ощущать себя крутыми Джеймсами Бондами.

Значит, он не сдержался, выстрелил, потом, сообразив, что натворил, сумел, старательно держа себя в руках, заглянуть к Ире и сказать:

– Семен Кузьмич просил его не беспокоить.

А потом сразу поехал к матери, решил сбежать подальше от места преступления. Очень глупо, только навлек на себя лишние подозрения.

– Вот, – воскликнула, возвращаясь, Ирочка, – тут три тысячи долларов, возьмите!

– Зачем ты даешь мне такую огромную сумму? – удивилась я.

Она, неожиданно покраснев, сказала:

– Я беременна.

– Поздравляю, – ляпнула я.

– Сама вначале обрадовалась, – серьезно кивнула она, – но потом одна головная боль осталась! Мне надо точно знать:

Венька не убийца. Иначе...

– Что? – тихо спросила я.

– Аборт сделаю! – рывкнула Ира. – Зачем мне ребенок с такими генами! И как я его одна растить стану? Семен Кузьмич в могиле, Веня за решеткой! Кто обо мне позаботится?

Я не нашлась, что ответить. С одной стороны, ее можно понять, с другой – она решительно перестала мне нравиться.

– Вы поезжайте к Вене, – не замечая моей реакции, частила Ира, – и напрямую его спросите: «Ты убил или нет?»

– Веня в следственном изоляторе, – напредила я, – как же мне с ним встретиться?

– У моей подружки мужа посадили, – мрачно усмехнулась Ира, – он на наркотиках погорел. А следователь попался чистый гад, не давал ей свидания с мужем. Так она чего придумала! Наняла адвоката и пошла с ним в тюрьму в качестве помощника защитника. Ей этот дядечка удостоверение сделал, и все тип-топ. Тысячу баксов за услугу взял. Фамилии у них с мужем разные, никто ничегошеньки не заподозрил. Я сейчас Ленке позвоню, она вас к этому адвокату отправит, и вы с ним в СИЗО пойдете.

– Может, тебе лучше самой сходить? – Я начала сопротивляться. – Посмотришь в глаза Вене и сама все выяснишь.

– Нет, – покачала головой Ира, – нельзя мне.

– Почему?

– С детства страдаю аритмией, чуть понервничаю, сразу сердце вразнос идет, могу в обморок упасть, нет, лучше вы

ступайте.

– Ты дала слишком много денег!

– Одну тысячу адвокату за поход, вторую за то, что Веньку защищать станет, третью вы потратите на поиск убийцы, – заявила Ира, – я абсолютно уверена, Веня тут ни при чем. Кстати, спросите, он кольцо продал? Ну, долг Алешке вернул долларами или перстень ему отдал?

Я молча спрятала купюры в сумочку. Что ж, хозяин – барин, я еще столько не получала за работу. Вот Федора удивится, когда вернется. Авось наша контора станет на ноги. Похоже, Ирочка не стеснена в средствах, раз может позволить себе такой расход. Хотя, если учесть, что она боится родить ребенка от убийцы...

– Записывайте координаты, – велела Ирочка, поговорив по телефону, – Неустроев Виктор Иванович. Можете прямо сейчас катить к нему в контору. Ленка предупредит его.

Я кивнула и пошла к двери.

– Как встретитесь с Венькой, сразу мне позвоните! – крикнула Ира.

Виктор Иванович, по счастью, работал неподалеку. Я добралась до адвоката за десять минут.

– Проходи, – велел он, – деньги привезла?

Спрятав доллары, Неустроев повеселел:

– Дело ерундовое, беги в метро, тут за углом, там у касс есть автомат, сделаешь снимок и назад. Успеет сегодня смотреться.

– В СИЗО? – уточнила я недоверчиво.

Дело в том, что Володя Костин иногда по долгу службы навещает сидельцев Бутырского изолятора или тех, кто угодили в «Матросскую тишину». Каждый раз, собираясь в тюрьму, майор стонет:

– Вот несчастье! Придется в пять вставать!

– Кто тебе мешает спать до восьми? – один раз рассердилась я. – Рабочий день-то в десять начинается.

– Нет, – кивнул Вовка, – в девять.

– Значит, спокойно до полвосьмого продрыхнешь, – не успокаивалась я.

– Лампа, – обозлился Костин, – не надо говорить того, чего не знаешь!

– А что? – удивилась я. – Если изолятор открывается в девять, ты за полчаса до него доедешь, тут близко, по Сушевке. Неужели за час не соберешься?

– Эх, Лампудель, – пригорюнился Вовка, – в девять там уже такая очередища выстроится! Надо к шести прирулить, тогда есть шанс увидеть подследственного. Камер для допросов не хватает!

– Да ну! – изумилась я. – Знаю, что родственники по нескольку дней в очереди парятся, если харчи сдать хотят. Но милиция!

– Ага, – кивнул Вовка, – всем плохо: и адвокатам, и следователям.

А тут Виктор Иванович рассчитывает сегодня попасть к

подследственному. Да уже час дня!

– Иди к метро, – поторопил меня Неустроев.

Решив не спорить, я сбегала на станцию и снялась. На фото была запечатлена тетка лет пятидесяти с безумными выпученными глазами и волосами, стоящими дыбом, словно иголки у неожиданно разбуженного ежа. Интересно, я на самом деле такая или у автомата в объективе кривое стекло? Искренне надеясь, что второе предположение верно, я прибежала назад, к Неустроеву. Тот аккуратно вклеил фото в довольно потрепанное удостоверение и сообщил:

– Классно! Ты теперь Карнаухова Анна Семеновна, не подкопаться – такая ксива. Поехали.

У подъезда Виктора Ивановича ждал серебристый автомобиль, очевидно, только что побывавший на мойке.

– Садись, – велел адвокат.

– У меня своя есть.

– И где?

– Вон та, красненькая.

– Оставь доходягу здесь, – отмахнулся Неустроев, – никто на этот металлолом не польстится. Я тебя туда-назад свожу.

– А не поздно? – заикнулась я. – Говорят, в Бутырке такие очереди!

– В изолятор и впрямь не попасть, – улыбнулся Неустроев, – только Вениамин пока сидит в отделении, тут недалеко, его еще в СИЗО не переправили, я все уточнил, пока ты ехала сюда. Давай шевелись, некогда мне турысы на колесах

разводить.

В отделении Виктор Иванович о чем-то пошушукался с ментами, и нас препроводили в небольшую комнату с зарешеченным окном, столом и тремя стульями. Адвокат повесил на торчавший из стены гвоздь дорогое пальто, подбитое натуральным мехом, и сказал:

– Чего стоишь? Устраивайся. Сейчас твоего орла приведут.

Я села на стул и почувствовала, как в спину сильно дует от окна. Попытка его переставить оказалась безуспешной, ножки были намертво привинчены к полу.

– Да, – хохотнул Неустроев, – здесь так, сиди и не рыпайся.

Тут с легким скрипом распахнулась дверь, и на пороге в сопровождении толстого, одышливого милиционера появился парень, красивый, словно молодой греческий бог. До сих пор я считала, что безупречные мужские лица и столь же безукоризненные фигуры на самом деле плод работы гримеров, стилистов и полиграфистов. Я полагала, что нормальному мальчику, без каких-то видимых изъянов, красят волосы, покрывают тоном лицо, вставляют цветные линзы, рисуют другие губы, изменяют гримом форму носа и снимают Аполлона на пленку.

Потом за дело берутся те, кто работает с фотографиями. Сейчас, в век компьютеров, снимок можно подвергнуть любым, самым волшебным метаморфозам. И в результате вместо обычного юноши с простоватым лицом вы видите на раз-

вороте какого-нибудь журнала обалденного мужественного красавца. Мне-то такие красавчики никогда не нравились, но многие дурочки готовы полжизни отдать за подобного кавалера. Но, повторяюсь, до сих пор я была уверена, что такие мужчины в природе не встречаются.

Сейчас же моя уверенность была разбита, потому что в камере, одетый в мятые, грязные джинсы и потерявший вид пуловер, стоял именно такой неземной красавец. Белокурые, выющиеся большими кудрями волосы падали на высокий чистый лоб мыслителя. Огромные голубые глаза, окруженные густыми черными ресницами, смотрели на нас с легким недоумением. Картину дополняли красиво изогнутые яркие губы, аккуратный нос с изящно вырезанными ноздрями, слегка смуглая кожа.

Скорей всего, Веня ходит в солярий. У блондина со светлыми глазами не бывает такого цвета лица от природы. Рост у парня зашкалил за метр восемьдесят пять, а фигура напоминает равнобедренный треугольник, поставленный на вершину: широкие плечи, узкие бедра и никакого намека на живот.

Да уж, ему впору ходить по подиуму, сниматься в кино, играть в спектаклях, но никак не тосковать на нарах.

– Садись, Вениамин, – кивнул Виктор Иванович, – мы с Анной Семеновной твои адвокаты. Вернее, защитник я, а она мой помощник. Ну как, понравилось в камере?

– Скажете тоже, – дернулся Веня, – ужас.

– Значит, не хочешь сидеть лет пятнадцать?

– Нет, – ответил парень на первый взгляд спокойно, но я заметила, что его смуглая кожа внезапно приобрела сероватый оттенок, а над верхней губой выступила цепочка мелких капелек.

– Это хорошо, – улыбнулся Неустроев, – начало нашего разговора обнадеживает! Теперь ты, если, конечно, хочешь максимально облегчить свою участь, должен нам рассказать все как на духу, только тогда мы сумеем тебе помочь.

Глаза Вени потемнели и из серо-голубых стали ярко-синими. Внешность его от этой метаморфозы только выиграла.

– Да нечего мне рассказывать, – пожал он плечами, – никого я не убивал.

– Вот что, дружок, – улыбаясь, словно кот, загнавший в угол жирную мышь, заявил Неустроев, – мне надо знать правду, всю, чтобы на суде не получилось конфуза. Я не судья, не следователь, мне твое чистосердечное признание для того, чтобы навесить тебе же лишний срок, не нужно. Я – твой билет на выход, тот, кто может тебе помочь избежать слишком крутого наказания. Но без твоей помощи у меня ничего не получится!

– Мне не в чем раскаиваться, – чеканя каждое слово, заявил Вени.

– Голубчик, – скривился Неустроев, – о каком раскаянье идет речь? Побереги пыл для суда, вот там начнешь бить себя кулаком в грудь и, рыдая, говорить: «Больше никогда,

простите». Такой текст на состав суда очень хорошо действует, некоторые прокуроры даже могут растрогаться. Мне же твое раскаянье на фиг не надо. Хочешь выйти отсюда?

Веня кивнул.

– Тогда быстро рассказывай, как дело было, – стукнул кулаком по исцарапанной столешнице защитник, – я тебе от души советую: у врача, священника и адвоката говорить одну правду, только правду и ничего, кроме правды. Кстати, все мы, представители вышеперечисленных профессий, связаны такой штукой, которая именуется неразглашением тайны. Начинай, голубь мой. Впрочем, если хочешь уехать в замечательное место под названием «тайга» лет эдак на дцать, тогда можешь молчать.

Щеки Вени слегка порозовели.

– Расскажу, – кивнул он, – только вы мне все равно не поверите!

– Ты не стесняйся, – приободрил парня Виктор Иванович, – я много чего такого слышал, тебе и в голову не придет, что порой с людьми случается!

ГЛАВА 9

Веня начал рассказ. Я сидела тихо-тихо, боясь пропустить даже слово.

– Очень я на Ирку обозлился, – объяснял парень. – Честно говоря, последнее время сомневаться стал: любит она меня или нет? Она все о Семене Кузьмиче беспокоилась. Пойдем в кино, в середине фильма вскакивает и трещит: «Ой, уже девять, мне пора, Семен, наверное, волнуется».

Пошли в магазин шмотки ей покупать, я протягиваю вешалку, ну нравится мне, когда Ирка в мини ходит, ноги у нее красивые, так она шарахнулась в сторону, словно ядовитую змею ей показал. Замахала руками, зашипела:

– Ты чего! Семену это не понравится!

Выбрала старушечье платье, длиной ниже колен, и купила.

Веню просто перекосило. В свое время, когда Иришка собралась замуж за старика, он не стал протестовать. Решил, что это очень даже хорошо. Профессор в годах, небось давно импотент, да и не протягивал он лапы к Ире, называл ее дочкой. Зато у него был дом, набитый дорогими вещами, дача, счет в банке. Веня пораскинул мозгами и решил: великолепно получается, долго Семен Кузьмич не проживет, зато Ирка останется богатой вдовой.

Первое время все шло, как рассчитывал парень. Профес-

сор радушно принимал Веню. Он частенько оставался ночевать в комнате у Иры. Но потом Семен Кузьмич переменял отношение к жениху «дочери», а Ирка словно с ума сошла. Только и твердила: «Семену нельзя волноваться», «Семену надо обед сварить», «Нет, нет, не могу с тобой на дискотеку пойти, мы с Семеном в театр идем». Интимные свидания Вени и Иры стали редкими, юношу начали терзать неприятные подозрения. Похоже, Ирка влюбилась в старикашку. Услышав это предположение, любовница кивнула:

– Да, я люблю Семена как отца! А тебя считаю мужем.

Но Веня все равно злился. А в тот памятный вечер вообще съехал с катушек, сам не понимая, как такое случилось. Слово за слово, сначала поругались, потом подрались.

Наутро Вене стало неудобно, и он поехал просить прощения. Дверь открыла Ирка, она сделала вид, что ничего не случилось, Веня пошел в кабинет к Семену Кузьмичу.

Старик сидел лицом к раскрытому окну, укутанный в теплый плед, и читал книгу.

Веня мигом замерз. На улице-то не июнь, а февраль. Но у Семена Кузьмича была астма, и он частенько распахивал окна, невзирая на погоду. Веня попытался извиниться, но старик сурово сказал:

– Вы недостойны Ирочки, молодой человек. Мужчина, поднимающий руку на женщину, в моем понимании подлец.

Веня великолепно осознавал, насколько сильно может осложнить их отношения с Ириной такая позиция старика,

и попытался свести все дело к шутке:

– Милые бранятся – только тешатся!

– Возьмите стул и сядьте, – ледяным тоном велел хозяин, – вот тут, напротив меня. Настало время поговорить подробно о том, как будем жить дальше.

Веня огляделся, увидел в противоположном углу кабинета массивный дубовый стул, принес и поставил его там, где велел профессор, сел было и вздрогнул. Прямо в спину бил холодный ветер.

– Разрешите, я закрою окно, – попросил парень.

Семен Кузьмич ничего не ответил, сидел, свесив голову на грудь. Веня принял молчание за согласие, встал, затворил раму, снова сел и пробормотал:

– Слушаю.

Профессор не шевелился.

Веня поерзал на сиденье и повторил:

– Я слушаю вас, говорите.

Семен Кузьмич, похоже, увлекся книгой. Веня обозлился. Он, конечно, чувствовал себя виноватым, но, с другой стороны, взрыв его эмоций спровоцировала своими глупыми высказываниями Ирина. И потом, кто дал профессору право издеваться над Веней? Мог бы сразу отрезать: «Уходите, не желаю иметь с вами дело».

– Я вас внимательно слушаю! – почти крикнул Веня, потом, совсем рассвирепев, встал и взял с коленей Семена Кузьмича раскрытый том. – Да говорите наконец!

Веня ожидал, что старик разгневается, но тот даже не пошевелился. Внезапно парню стало страшно, он наклонился, поднял голову профессора за подбородок и еле сдержал вопль. Во лбу старика чернела небольшая дырочка.

Плохо понимая, что произошло, Веня вышел в коридор, бодро соврал Ирке, что Семен Кузьмич его простил, а теперь увлечен работой, и прямо от любовницы отправился к матери.

– Почему же ты не сказал ей правду? – поинтересовался Неустроев.

– Так прикиньте, как это звучит, – хмыкнул Веня, – мы были вдвоем, больше никого, вдруг – бац, у него в голове дырка. Кто бы поверил, что я не виноват! Вот и решил удрать.

– А отчего к матери двинул? – поморщился Виктор Иванович. – Не просек, что первым делом у нее искать станут?

– Ну, – неуверенно ответил Веня, – не просек, ошибся, за что сейчас и страдаю.

Виктор Иванович постучал по столу дорогой, похоже, золотой ручкой.

– Извини, я тебе не верю, чушь городишь. Вас в комнате только двое, потом один превращается в труп.

– Я же говорил, – безнадежно махнул рукой Веня.

– И еще, – продолжал адвокат, – вызывает сомнение та часть повествования, которая посвящена твоей поездке к маме.

– Здесь-то что? – пробубнил Веня, неожиданно краснея.

– Зачем ты туда отправился?

– За деньгами, билет до Челябинска купить хотел.

– В Москве не достал?

– Не у кого.

– Почему у Иры не попросил?

– Ну... не сообразил... – Глаза Вениамина забежали, и мне

неожиданно стало ясно: он врет.

– Ты спрятал у мамы кольцо, – немедленно выпалила я.

Веня стал бордовым:

– Какое?

– Ну то самое, с горным хрусталем.

Внезапно парень обхватил голову руками, поставил локти на колени и стал раскачиваться из стороны в сторону, напевая, словно муэдзин в религиозном экстазе:

– Ой-ой-ой!

– Прекрати юродствовать, – прошипел Неустроев, – ну-ка быстро говори, что за кольцо! Иначе не надейся вытащить хвост из капкана. Кончай врать!

Веня вытер рукавом лицо и показался мне еще красивее, чем раньше.

– Алешка дал мне «Пежо», – загнусавил парень.

Я внимательно слушала рассказ. Вначале не было ничего нового, но потом...

– Корсаков не захотел взять перстень, – говорил Веня, – отправил меня к подруге своей матери, Рине, та брюлики лю-

бит. Но она тоже колечко не взяла.

– Почему? – влезла я.

– Дорогое очень, – вздохнул Веня, – бешеных денег стоит. Бриллиант там уникальный! Огромный такой и очень необычной огранки.

Я улыбнулась:

– Ты ошибаешься. В оправу был вставлен горный хрусталь.

Веня прищурился:

– И кто вам сказал такое?

– Ирина, – ответила я.

Он мрачно усмехнулся:

– Дайте честное слово... Впрочем, кто вас нанял, а? Или вы от государства, без денег?

– Бесплатно ты, голубь, получил бы мальчишку без всякого ума и опыта, а не меня, – хохотнул Виктор Иванович. – Свезут тебя в СИЗО, окажешься в камере на сто двадцать человек, вот и поинтересуешься там, кто такой Неустроев.

– Нас наняла Ирина, – заявила я, – она оплатила услуги юриста, хочет тебя из ямы вытащить.

Веня стал кусать губы.

– Дайте честное слово, что Ирке не расскажете!

– О чем? – быстро поинтересовался Виктор Иванович.

– Ну... зачем я к маме мотался.

– Говори, – приказал адвокат, – то, что клиент сообщает мне, мгновенно умирает. Я – железный сейф, кладбище чу-

жих секретов.

Веня замялся:

– В общем... как бы это сказать...

– Прямо, – рывкнул Неустроев, – ты спер кольцо!

– Нет, – подскочил Вениамин, – Ирка сама мне его дала.

Только она полагала, что перстень ну... тысячу баксов стоит, может, полторы. У Семена в кабинете есть сейф, а в нем целая коллекция ювелирки. Такой большой ящик, обитый бархатом, там три этажа с ячейками, в каждой что-нибудь дорогое лежит. Я сам не видел, Ирка рассказала, ей «папочка» показывал.

Самое ценное Семен Кузьмич держал под замком и не разрешал Ирине надевать.

– Не сочти меня жадным, – объяснил он свою позицию, – но время сейчас страшное, люди друг друга за два рубля убить готовы, ну наденешь ты вот эти серьги с уникальными розовыми жемчужинами, и что? Ладно, просто украдут, так ведь искалечат из-за кусочка золота.

Но у Семена Кузьмича были и другие бархатные коробочки, где лежали вещички попроще. И вот эти перстенечки он разрешал носить Ирине. Девушке нравилось не все. Кое-что казалось слишком дамским, рассчитанным на зрелых женщин. У ее сверстниц были в моде серебряные браслеты, кожаные фенечки, дешевые сережки в виде висюлек. И еще, однокурницы были просто не способны оценить украшения, которые дарил жене Семен Кузьмич.

На Новый год Иришка отправилась в родной институт на дискотеку. В уши она вдела серьги с сапфирами, окруженными бриллиантами, на шею повесила такое же ожерелье, палец украсило кольцо «малинка». Когда Ирина, страшно гордая собой, вошла в зал, ее подруга Вера Кислова воскликнула:

– Ирка, ну и безвкусица!

– Ты о чем? – поинтересовалась та, потряхивая серьгами.

– Да о твоих украшениях, – захихикала Верка, – купила в переходе у метро дрянь и обвесилась! Уж лучше простенький комплектик, но из серебра. А у тебя кастрюльное золото со стеклышками.

– Молчи, чмо, – ответила Ира, – это настоящие сапфиры с бриллиантами!

Вера молча окинула взглядом сверкающие камни и отрезала:

– Не ври! Такими большими они не бывают.

Вот поэтому Ирина и перестала носить подарки Семена Кузьмича. Ну какой смысл щеголять в сапфирах, когда все вокруг считают их стекляшками?

Ирина прожила с профессором несколько лет, и на каждый праздник он преподносил ей очередную коробочку. Сначала Ирочка радовалась, но потом перестала. Ну зачем ей очередные серьги или кольцо? Лучше бы подарил духи или шубку. Но Семен Кузьмич, человек старого воспитания, искренне считал, что бриллианты – лучшие друзья женщи-

ны.

Перстень с огромным камнем диковинной формы Ира увидела случайно. Полезла в письменный стол к мужу, нашла коробочку и, раскрыв, залюбовалась. Уж на что она ничего не понимала в драгоценностях, но это кольцо выглядело потрясающе. Семен Кузьмич, заставший ее за созерцанием украшения, усмехнулся:

– Нравится?

Ирина кивнула:

– Ага.

– Ты сорока, – ласково сказал профессор, – настоящий раритет не оценишь, а на блестящее заглядываешься.

– Какой брюлик большой, – покачала головой Ира, – небось дорогой страшно!

– Это горный хрусталь, – пояснил профессор, – кольцо оригинальное, но не более того, дорого мне просто как память о Розалии Львовне. После ее смерти я должен был отдать его, но не выполнил последнюю волю покойной супруги.

– Да? – заинтересовалась Ирина. – А почему?

Семен Кузьмич обычно охотно рассказывал о прежних временах, но сейчас внезапно сухо ответил:

– Потом как-нибудь поговорим на эту тему, она мне крайне неприятна. Впрочем, если колечко понравилось, забирай. Вот его можешь носить без страха, оно недорогое.

Иришка примерила подарок и вздохнула. Перстень оказался велик даже на большой палец и крупноват для ее изящ-

ной ручки. Носить его она не стала. Кольцо осело на дне комода рядом с другими презентами от заботливого Семена Кузьмича. Отдавая Вене перстень, Ира рассказала ему эту историю и в конце добавила:

– Отнеси его Алеше в счет долга, пусть оценит у ювелира и скажет, сколько тебе еще платить. Семену это кольцо не нравится, да и забыл он про него давно.

Веня принес коробочку Корсакову. Алешка насупился:

– Еще чего, шас, побегу торговать побрякушками. Сам продай, а мне верни баксы!

– Но я не знаю, кому предложить, – развел руками Веня, – какие у меня в Москве знакомые, только наши девки из института! А ты столичный житель!

Алешка вздохнул и взял телефон.

– Езжай к Рине Зелинской, – сказал он, поговорив с кем-то, – она подруга моей матери, брюлики обожает. Если понравится – обязательно купит. Только я ей про «Пежо» ничего рассказывать не стал, и ты не трепись.

Обрадованный, Веня тут же помчался к Рине. Она, вооружившись специальной лупой, долго изучала изделие, а потом устроила целый допрос: «Где взял? Кто дал? Отчего продаешь?»

Веня отвечал относительно честно. Продает из-за того, что понадобились деньги. Дала кольцо любимая девушка, ей оно досталось по наследству.

Рина отложила лупу.

– Купить кольцо не могу.

– Такое плохое? – погрустнел парень.

Зелинская улыбнулась:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.